

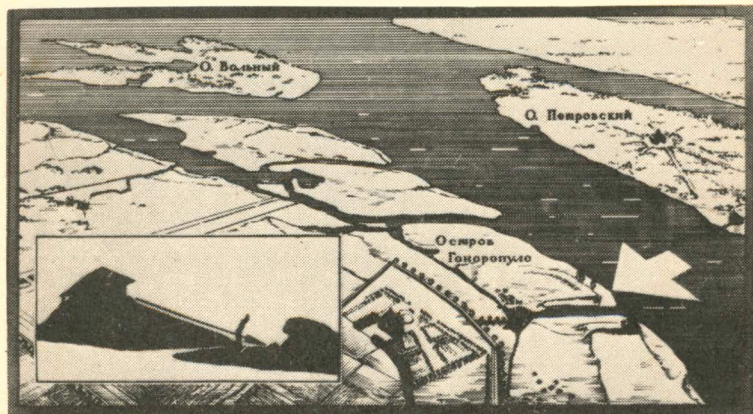
ISSN 0132-2095

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 4 1990

Андрей ЧЕРНОВ

СКОРБНЫЙ ОСТРОВ ГОНОРОПУЛО

М О С К В А ИЗДАТЕЛЬСТВО «П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 4

Издается с января 1925 года

Андрей ЧЕРНОВ

СКОРБНЫЙ ОСТРОВ
ГОНОРОПУЛО

ПУТЕШЕСТВИЕ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Андрей ЧЕРНОВ

Андрей Чернов — автор двух книг стихов — «Городские портреты», М., 1980; «Оттиск», М., 1984, исследователь и переводчик «Слова о полку Игореве». В журнале «Знамя» (1987, № 1) опубликована его реконструкция сожженной главы «Евгения Онегина».

С начала 1980-х публикует статьи о взаимоотношениях Пушкина и декабристов, атрибутировал ряд портретных зарисовок в рабочих тетрадах А. С. Пушкина.

Голодаевская экспедиция «Огонька» (№№ 23 и 35 1987, № 6 1988, № 4 1989) началась с атрибуции трех пушкинских пейзажей в так называемой Третьей масонской тетради поэта.

О поиске тайного погребения пяти казненных декабристов и рассказывает эта книжка.

Подборку экспертных заключений и отзывов специалистов-историков, пушкинистов и текстологов читатель может найти в «Огоньке» № 29 за 1989 год.

● На обложке рисунок Татьяны Ознобишиной и натурная привязка по ориентирам обер-полицмейстера Петербурга Б. Я. Княжнина.

● Автор приносит извинение за то, что по условиям издания не может воспроизвести иконографический материал. Пушкинские рисунки и фрагменты топографического плана опубликованы в наших огоньковских статьях. Смотри также план Голодая в «Литературной России» за 21 апреля 1989 г.

*Над вашими телами наругавшись,
В безвестную могилу их зарыли
И над могилой выровняли землю,
Чтоб не было ни знака, ни отметы,
Где тлеют ваши кости без гробов,
Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился...*

Михаил МИХАЙЛОВ, «ПЯТЕРО»
1861 или 1862

1. «СТРЕМЛЮСЬ ПРИВЫЧНОЮ МЕЧТОЮ...»

На берегу Кронверки не раз настигало меня это щемящее наваждение. Особенно весной, когда невский лед уже сошел, а ладожский еще на подходе. Точно некий смысл, наглядно материализованный в пейзаже, должен что-то сообщить, о чем-то напомнить.

Почему-то мешали мосты. Они загромождали пространство, пресекали узнавание.

Мы не приучены сердечной силой пробуждать мечту. И я не сразу понял: отсюда чудится, что Большая Нева, огибая крепостную стену, втекает в Малую, а Кронверка — накрест — в Большую Неву. И дело в небесном перекрестье реки, лежащем на снежном полотнище застроенных берегов. Дело в этих, плывущих навстречу друг другу стрелках двух островов — Заячьего и Васильевского. Наконец, в законах перспективы, уравнивающих невеликую Кронверку с Невой.

Открылось ли это Петру, когда в 1704 году синяя крестовина на белом поле стала флагом русского флота, — кто знает?

Луч собора и луч стального клинка. Усмирение Невы и смиренный бунт 14 декабря. Политика и поэтика. Декабристы и Пушкин. Все — на распятом полотнище Андреевского флага.

Может быть, со временем пушкинистика из раздела литературоведения перерастет в науку о человеческой личности, ее самостоянии? Вот и наша экспедиция «Огонька» объединила в рамках пушкинистики не только филологов и историков, но и археологов, геологов, топографов,

химиков, криминалистов, специалистов по фотографии, архитекторов, художников и математиков. Все мы без труда понимали друг друга, потому что помимо языка собственной науки каждый говорил на языке Пушкина. Мы не выдвигали никаких «версий», мы только прочитали по Пушкину и Ахматовой ряд исторических свидетельств эпохи. И в поиске могилы казненных четырежды пришли к одной географической точке на берегу острова Голодая. В первый раз — по рисункам поэта и «Подробному плану столичного города Санкт-Петербурга, снятого по масштабу 1:4200 под начальством генерал-майора Шуберга». Во второй — по «путеводителю» из повести «Уединенный домик на Васильевском». В третий — по пушкинской тайной записи в одной из его тетрадей. И только после, сведя показания очевидцев и современников, убедились, что можно было обойтись и без Пушкина.

Однако не обошлись. И голодаевскую тайну раскрыл нам не анонимный помощник квартального, не обер-полицейстер Княжнин, а Пушкин и Ахматова. Не из «первых рук» могильщиков, а из рук двух великих русских поэтов приняли мы это печальное знание.

2. «СИМПАТИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ» В ПД 833?

На 66-м листе (жандармская пагинация) в Третьей кишиневской тетради эта строка сливается с голубоватым фоном листа. И вряд ли в этом виновато время и «погасшие» — есть у текстологов такой термин — чернила. Запись сделана р а з б а в л е н н ы м и чернилами. К тому же поэт залил края тетради лампадным маслом, и жирная капля перекрыла часть надписи у самого конца строки.

В. Е. Якушкин, впрочем, запись заметил и разобрал дату: «14 juillet 1826».

Через полвека М. А. Цявловский попытался угадать слово, попавшее под пятно. Три первых буквы «Gon...». Может быть, фамилия бразильского поэта Т.-А. Гонзаги, чьи стихи Пушкин однажды перевел? На своем предположении Цявловский не настаивал. (1)

Прошло еще полвека. И уже в наши дни историк Г. А. Невелев обнаружил: дата французской пометы Пушкина совпадает с датой погребения казненных декабристов: 14 июля 1826... Что дальше? Невелев прочитал название острова Голодая. Ведь именно на Голодае погребены в этот день нагие тела казненных. (2)

В своей книге историк описал, впрочем, эту строку как «карандашную запись», а пятно принял за чернильное.

Ниже — две записи, тоже по-французски: 2 août 1827 j. h.

4 août R. J. P. Jich. en songe:

Традиционное чтение:

2 августа 1827 день счастливый

4 августа Рылеев, Жанно, Пестель, Жихарев во сне

Есть такой способ дешифровки пушкинской тайнописи — «метод смежного эпизода». (3) Он работает, и весьма успешно, при сопоставлении смысла внешне не связанных дневниковых записей поэта. Итак, в первой «симпатической» строке — дата декабристского погребения. В третьей — имена декабристов (Жанно — лицейское прозвище Ивана Ивановича Пущина). С. П. Жихарев — приятель поэта по «Арзамасу», московский губернский прокурор.

В июле 1826 года Пушкин записал под стихотворением «Под небом голубым страны своей родной...»: «У. о с.Р.П.М.К.Б. 24». Расшифровка: «Услыхал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24-го». Прошло всего десять дней после голодаевского погребения, одиннадцать после казни на кронверкском валу, а опальный поэт в Михайловском уже знает о случившемся. Скоро его доставят с фельдъегерем в первопрестольную, он получит николаевское полупрощение, обживется в Москве, встретит Жихарева.

Г. А. Невелев пишет: «Предложенное М. А. Цявловским чтение видимой части слова как «Гон» «текстологически не оправдано». (4)

Может истина где-то посередине?

3. СВОДКА СВИДЕТЕЛЬСТВ

Что же говорят участники этого похоронного «обряда»?

1. Обер-полицмейстер Б. Я. Княжнин рассказывал в 1830 году в Киеве: «Когда ночь прикрыла горизонт, я приказал вывезти тела из крепости на дальние скалистые берега Финского залива, вырыть одну яму в лесных прибрежных кустах, закопать тела вместе, а поверхность земли разровнять, чтобы не было видно, где тела зарыты. И только мне одному известно это место захоронения, так как стоя на скале на самом берегу моря, с этой точки я видел две точки выпуклых скал, от которых прямая линия указывает на место этой могилы. (5)

Под «скалой» в XIX веке понимали и утес, и «скалоподобную почву», то есть то, что мы называем обрывом.

2. Некто помощник квартального надзирателя в середине XIX века говорил Н. А. Благовещенскому: «Знаешь ты Смоленское кладбище? Там есть этакий переулочек налево. Вот мимо армянского кладбища и иди до конца переулка. Как выйдешь к взморью, тут и есть. Тут их всех и похоронили. Ночью их вывезли с конвоем, и мы тут шли». (6)

Слово другим представителям властей:

1. Начальник кронверка В. И. Беркопф на рауте у скульптора П. К. Клодта в конце 1850-х сообщил собравшимся, что ночью 14 июля 1826 года извозчик повез трупы из крепости по направлению к Васильевскому острову. У Тучкова моста «из будки вышли вооруженные солда-

ты и, овладев вожжами, посадили извозчика в будку». Через несколько часов телега вернулась, с извозчиком расплатились, он отправился домой. (7)

Голодай — северная часть Васильевского острова, а Тучков мост — единственный, ведущий от крепости в эту часть города.

2. Н. С. Щукин, литератор, в 1826 году помощник столоначальника Департамента полиции исполнительной: «Повешенных увезли на остров Голодай и похоронили в одной яме в конце острова на пустынном месте <за немецким кладбищем>». (8)

3. Преподобный Исаидор: «...погребены в одной яме и засыпаны известью. На могиле стоял караул». (9)

4. Аноним, присутствовавший по службе при казни: «Где они похоронены, неизвестно. Говорят, что тела с гириями спустили в море на острове Голодай». (10)

Примечание Герцена к этому свидетельству: «Другие говорят, что преступники были зарыты на острове Голодай».

Продолжим наш «опрос». Слово декабристам. Они, как полагает московский историк С. В. Мироненко, могли слышать о тайном погребении своих товарищей от участвовавших в нем солдат, от священника Мысловского, или, как Н. В. Басаргин, от одного из крепостных сторожей. 14 июля декабристы находились еще в крепости.

1. И. И. Горбачевский: «Одни говорят, что тела похоронены за Смоленским кладбищем на острове, другие — около завода Берда, тоже на острове. Положительно об этом последнем не знаю». И еще: «Работали яму и прочее... солдаты инженерной команды Петербургской крепости вместе с палачами». (11)

Остров за Смоленским кладбищем — Голодай. На нем был в ту пору и небольшой чугунный заводик. Он есть на плане 1828 г.

2. А. Е. Розен: «Одни говорили, что ночью в лодке перевезли тела в рогожах и зарыли на берегу Гутуева острова, другие же утверждали — на прибрежии Голодая, еще другие, что их зарыли во рву крепостном с негашеной известью близ самой виселицы». (12)

Так рождаются легенды. Нетрудно проследить цепочку: чугунный завод на Голодае — чугунный завод в районе Гутуева Острова. Позднее мы увидим, как фортификационный ров на Голодае молва превратила в «крепостной ров» кронверка.

3. М. А. Бестужев: «Их схоронили на Голодае за Смоленским кладбищем, и, вероятно, недалеко от Галерной гавани, где была гауптвахта, потому что с этой гауптвахты наряжались часовые, чтобы не допускать народ на могилу висельников. Это обстоятельство и было поводом, что народ повалил туда толпами». (13)

На Голодай можно было попасть через мост в створе 8—9 линий или через Немецкий мост близ Смоленского кладбища. От Галерной гавани второй путь — ближайший. Значит, слова «за Смоленским кладбищем» указывает на северную часть Голодая. По сведениям помощника

квартильного, караул стоял четыре месяца. Его же фраза «И мы тут шли», видимо, относится к обратному пути похоронной процессии. Везти телегу с ее тяжелой поклажей от крепости через полгорода вряд ли решился б и обер-полицмейстер Княжнин, и командовавший при этом василеостровский полицмейстер Карл Фёдорович Дершау. (14) От Тучкова моста на Голодаевский остров куда ближе по набережной Малой Невы, мимо Винного городка (через мост в конце 8—9 линий) не надо делать километровой крюк, не надо ехать под окнами домов Малого проспекта.

4. М. С. Лунин: «Родным запретили взять тела повешенных». И еще: «Ночью кинули их в яму, засыпали негашеной известью». (15)

5. А. М. Муравьев: «...тайно преданы земле на одном из островков Невы». (16)

Сказать о Голодае «островок», все равно что сказать Васильевский или Петровский островок. Запомним это свидетельство.

6. Н. В. Басаргин: «...свезли тайно в ночное время на устроенное для животных кладбище, называемое Голодай». (17)

Басаргин южанин и название острова он принял за название кладбища для скота. Такое тоже было на Голодае, в центральной его части.

7. В. И. Штейнгейль: «Тела погибших в следующую ночь тайно отвезены на остров Голодай и там зарыты скрытно». (18)

8. Прибавим и свидетельство Марии Николаевны Волконской: «Их тела были положены в два больших ящика, наполненных негашеной известью, и погребены на Голодаевском острове». И еще: «Часовой не допускал до могил...» (19)

Итак, уже четверо говорят о карауле, стоявшем над могилой до холодов: отец Исидор, помощник квартильного надзирателя, М. А. Бестужев и М. Н. Волконская.

Четверо упоминают и об использовании извести: Исидор, А. Е. Розен, М. С. Лунин и М. Н. Волконская. О том, что такой способ захоронения неизвестных и преступников на Руси практиковался еще в средневековье, в 1827 году сообщил «Московский вестник». (20) В это нелегко поверить, но даже «преосвященный Исидор», еще при жизни Пушкина сообщивший об извести врачу И. Н. Снегиреву, не был, кажется, шокирован таким способом захоронения.

Следующая группа — лица, сочувствующие декабристам:

1. Д. С. Левшин утром 14 июля проходил мимо кронверка и увидел, как «клали все пять трупов на телегу, и узнал тела Пестеля и Сергея Муравьева-Апостола, которых прежде знал лично». Д. И. Завалишину Левшин говорил, что «трупы были нагие» и что могила находится на Голодае». (21)

2. Н. А. Рамазанов вспоминает о двух слухах. Согласно первому, казненных «зарыли на острове Голодай». По второму, ничем не подтвержденному, «тела были вывезены на взморье и там брошены с привязанными к ним камнями в глубину вод». (22)

3. П. А. Вяземский: «Как дотронуться до одного осуждения, не расшевелив всех осуждений, не подняв со дна Сибири всего дела, не повернув мертвых без гробов...»¹ (23)

Видимо, М. Н. Волконская все же ошиблась: ящики с известью — не гробы. В них привезли известь, чтобы засыпать могилу.

4. Л. М. Жемчужников, художник, сын петербургского гражданского губернатора: «Весною 1853 года² <...> я отправился разузнать что-либо о Федотове на его квартиру <...> Федотов жил тогда в 21 линии, близ Большого проспекта. Федотов пошел по направлению к Смоленскому полю, затем, выйдя на поле недалеко, сел на гранитный камень. <...> Сколько раз бывал я здесь с Федотовым, Бейдеманом и один: вдаль виднелось Смоленское кладбище в виде леса, за кладбищем был известный нам курганчик над телами казенных декабристов». Здесь мемуарист делает сноску: «На острове Голодае. На этом острове закапывалась павшая скотина. Теперь нет и признаков этого возвышения». И далее: «Налево, к взморью — Галерная гавань, — городок бедняков; блестяло взморье, а за спиною был город». (24)

Рощи Смоленского кладбища с этого места перекрывали северную сторону Голодая (западная оказывается левее). Курганчик со Смоленского поля, конечно, не виден. Он — за рощами. (25)

5. А. А. Жандр, сенатор, в молодости друг Грибоедова, в конце 1850-х рассказал владимирскому помещику Д. А. Смирнову:

«Потом этих несчастных положили в лодку, прикрыли чем-то, отвезли на один пустынный островок Невы и там похоронили. Мы на этот островок ездили...

— Что же вы там нашли?

— Ничего, кроме кустов, — никаких следов могил, только тут какой-то солдатик шатался... Мы его расспрашивать не стали». (26)

Подготовленная к печати рукопись Д. А. Смирнова чудом уцелела, не попав в пожар, уничтоживший после смерти автора и его имение и богатейший архив. Писаны заметки рукой самого мемуариста, и только этот, последний эпизод перебелен переписчиком. Длинный ряд точек намекает на объяснение этого нетривиального обстоятельства. Видимо, писарь зафиксировал пропуск в тексте. Что это за пропуск?

Г. А. Невелев предположил, что Жандр ездил на Голодай вместе с Грибоедовым. (27) Предположение вполне логичное: после освобождения из-под стражи Грибоедов жил на квартире Жандра. Строчка точек свидетельствует в пользу догадки историка.

Смирнов подчеркивает, что Жандр декабристов осуждает. И тем более в 1850-х было неуместно упоминание о поездке Грибоедова на могилу казенных. Кстати, несмотря на пропуски и умолчания, рукопись издана была лишь в XX веке. Текстологию первой и даже второй

¹ — Здесь и далее разрядка моя. — А. Ч.

² — Видимо, ошибка, имеется в виду 1852 г.

публикации никто не проверял. Потерялся длинный ряд точек, «пустынный островок» превратился в «пустынный остров». И вписанный рукой Смирнова собственный комментарий «Голодай, где хоронятся самоубийцы», — попал в текст.

Смирнов Петербурга не знал и решил, что «пустынный островок Невы», где «ничего, кроме кустов», — это и есть Голодай. Не заметили противоречия и исследователи. А ведь на Голодае канатная фабрика, чугунный завод, Чухонская слобода; и бор, и Винный городок, и несколько кладбищ. Жандр и его спутник не нашли «следов могил». И не могли их найти: об этом позаботился обер-полицейстер Княжнин. Зато видели «шатавшегося солдата», очевидно, одного из тех, кто летом 1826 года посменно охранял братскую могилу.

Мнение А. А. Ахматовой: «Кроме Голодая на взморье много мелких островков. На них действительно сидят морские птицы — чайки, утки; сушатся рыбачьи сети, иногда догнивает дырявая лодка, чернеют следы костров. Так, во всяком случае, было в начале XX века, когда я часто там бывала». (28) Вспомним и слова А. М. Муравьева об «одном из островков Невы». Может, и впрямь искать надо не на самом Голодае, а на одном из прибрежных островков, согласно описаниям Петербурга XVIII в., тоже принадлежавших к Васильевскому острову?

Выслушаем тех, кто знал место этой могилы. Их двое:

1. М. Ф. Каменская, дочь скульптора и медальера Ф. П. Толстого, спустя 68 лет вспоминала:

«Осенью 1826 года у Александры Петровны Гомзиной часто гостила несчастная вдова Рылеева, которая, право не знаю за что, очень полюбила меня и даже часто водила с собой на могилу мужа своего. Помню, что наши говорили тогда при мне, что вдове Рылеева по какой-то особой к ней милости, позволили взять тело мужа и самой похоронить его на Голодае, только с тем, чтобы она над местом, где его положат, не ставила креста и не делала никакой заметы, по которой бы можно было заподозрить, что тут похоронен кто-нибудь».

Это и впрямь можно было бы признать апокрифом, когда бы не упоминание о доме Гомзиных. А. П. Гомзина — дочь П. Н. Мысловского. Того самого, что исповедовал и причащал осужденных на казнь, а после переписывался с Н. М. Рылеевой. Восьмилетняя Каменская, разумеется, могла и не знать, что могила на Невском взморье была братской. Слова «наши говорили тогда при мне...» вполне правдоподобны: такие разговоры вполне могли вестись в этом доме. Тем более при детях, которым всю правду знать было явно не обязательно. Каменская объясняет, что Н. М. Рылеева брала ее «для бодрости».

«И точно, на том месте, куда мы ходили, креста не было. Но не утерпела несчастная женщина, чтобы своими руками не натаскать на ту землю, под которой лежало ее земное счастье, грудку простых булыжников и не утыкать их простыми травками и полевыми цветами... Для

постороннего глаза эта грудка камешков была совсем незаметна, но мы с нею видели ее издалека и прямо шли на нее...»

Отвергая мелькнувшее в печати сообщение о том, что тело Рылеева было украдено декабристами, Каменская сетует:

«...и будь Голодай в том же виде, как он был 68 лет тому назад, я бы по моей, детской еще памяти, указала вам место, где положен Рылеев... Но в том-то и беда, что Голодай-то, говорят, стал совсем не тот: весь сосновый лес с него срублен, остался один пустырь... Поди и бульжники, к которым в 1825 году (опечатка или описка! — А. Ч.) мы вдвоем с Рылеевой вдовою ходили плакать, давно втоптались в землю, и не осталось у меня никакого вещественного доказательства в моей правоте...» (29)

2. Федор Иванович Миллер, статский советник, друг и, видимо, духовное чадо П. Н. Мысловского. Отрывки из его писем к вдове Рылеева неоднократно публиковались. Правда, историки спутали Федора Ивановича с Федором Петровичем Миллером, сослуживцем Кондратия Рылеева по конно-артиллерийской роте в 1817—1818 годах. Ошибка эта кочует из работы в работу, и в науке утвердилось трогательная легенда о верном до гроба друге Рылеева. Когда-то Ф. П. Миллер дал пощечину ротному командиру и имел дуэль, где Рылеев был секундантом.

Письма Ф. И. Миллера к Наталье Михайловне Рылеевой хранятся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР, в 423 (рылеевском) фонде. (30)

В начале марта 1827 года Рылеева покинула Петербург, отъехав в воронежское имение своих родителей. Через две недели Миллер пишет первое письмо:

17 марта 1827 года: «Расставшись с вами, не мог я, по повороту, долее минуты следовать глазами за скрывающейся из вида нашего повозкой вашей». (л. 1)

6 мая 1827 года: «Скорбь ваша легла близко к сердцу моему. Не могу забыть убедительных просьб друга моего Петра Николаевича и поручений его, деланных мне в самом начале невозвратных потери вашей». Тут же: «Поспешу разве к другу моему и к другу вашему Петру Николаевичу и упрошу его, чтобы помолились о здравии многострадальной Натальи и об облегчении тяжкой скорби ея». (лл. 7—8)

Петр Николаевич — протоиерей Казанского собора Мысловский.

13 мая того же года. Письмо передано с оказией: «Ежели Бог поможет, то хочется с 2-м Тимофеевым съездить в Батово и 2-го июня в Рождественске отслужить Литургию и помолиться о упокоении — души усопшей рабы Божией Анастасии; а ровно через два месяца сходить с дочерьми моими в известную вам сторону, отслужить панихиду и вместо вас там на самом месте пролить слезы моления о упокоении Души друга вашего».

Прокомментируем: Тимофеев 2-й — рождественский помещик. Рождественск — село Рождествено близ Батова. Екатерина произвела его в город, но Павел разжаловал. 2 июня — день смерти Анастасии Матвеевны Рылеевой. Ее могила на старом рождественском кладбище сохраняется и по сию пору.

О том, куда намывается пуститься Миллер 13 июля, легко догадаться из самой даты.

3 июня: «Петр Николаевич живет теперь на даче, находящейся в 12-ти верстах от города, именуемой Ульянка». (л. 15)

В том же письме: «Я же с семейством моим и Екатериной Петровою третьего дни ходил я (так! — А. Ч.) в Смоленскую и молился где следовало, вчера же, то есть 2-го июня, поминал усопшую рабу Божию Анастасию. Через месяц и десять дней, испросив от вас позволение и получив в надежде на дружбу вашу, согласие в рассуждении возложения на меня печали и горя вашего, пушусь с Божиею помощью на уединенный остров и принесу усерднейшую молитву о Прошу вас всепокорнейше не лишать меня сего утешения и не делать препятствий». (л. 16)

Прибавим к дате письма «месяц и десять дней» и получим то же 13 июля. Итак, искать следует на «уединенном острове» где-то неподалеку от Смоленской церкви. «Уединенный» — эпитет не для Голода. До десятих годов XIX столетия Голода вообще не выделяется картографами из состава Васильевского острова, а Черная речка меж Васильевским и Голодаем в книгах конца XVIII века именуется «мутным ручьем». (31) И какое уж тут «уединение», если с одной стороны «ручья» православное кладбище, с другой — немецкое и армянское. Все три вкуче зовутся Смоленским. (Позже и Черная речка станет Смоленской.)

24 июня: «Я с нетерпением ожидаю ответа от вас, многолюбезнейшая Наталья Михайловна, на просьбу мою, изложенную к вам в письме моем, препровожденном с Николаем Федоровичем, касательно будущего месяца. Не откажите в оной вам много и премного истинно преданному». (л. 18 об.)

Николай Федорович — воронежский помещик, с которым было отправлено письмо от 13 мая. Просьба — желание отслужить панихиду «на самом месте», то есть на могиле.

15 июля: «Приятнейшее письмо ваше от 23 июня к несказанному моему удовольствию я имел честь получить сего июля 5-го. <...> Не могу вам выразить моей радости и чувствительнейшей благодарности, что вы, прелюбезнейшая Наталия Михайловна, не отвергли убедительных просьб моих касательно чтения слова Божия, и что вы благодаря Бога находите в нем единственное себе утешение. <...> и чаще того бродил к местам, где почиет драгоценный прах любезнейших сердцу вашему Особ, и тамо, вместо вас, всзылая со слезами ко Всевышнему теплейшие моления мои о упокоении душ их — исцелялся. С 1-го же числа до половины сего месяца ходил туда всякий день...» (л. 19)

2 августа: «28 июля в день Храмового праздника Смоленския Божия Матери при прекраснейшей погоде было на оном стечение народа столь велико, что несмотря на пространство кладбища, с большим трудом должно было протиснуться сквозь повсеместную толпу, однако мне удалось протолкаться и быть в тех местах, где почивает драгоценный прах близких сердцу вашему и помолиться о (л. 21 об.)

7 февраля 1828 г.: «Помнится, что о месте пребывания Екатерины Ивановны Бибиковой я вас уведомлял и просил о присылке письма ко мне...» (32)

Как изменился тон! Е. И. Бибикова — сестра Муравьева-Апостола, которой Николай не разрешил похоронить смертные останки ее брата. Миллер не раз просит Н. М. Рылееву экономить на конвертах и всем писать на его имя. Клянется, что, не читая, сам разнесет по адресам. Верить этому?.. И 'чего ради ему, начальнику архива канцелярии министерства финансов — пост солидный! — бегать по городу посыльным?

Скоро он станет опекуном рылеевской дочери. Из писем уйдет теплота, останутся лишь сантименты да нравоучения. По цепочке Мысловский — Миллер правительство уведомит вдову о выплате ей пособия от «НЕИЗВЕСТНЫХ ОСОБ». Именно так, в разрядку и заглавными буквами выведет это Федор Иванович, прося ни в коем случае не отвергать сей дар. Да как отвергнешь, когда сама графика — так в деловых бумагах писались слова «государь император»! — не оставляет сомнений, кем даются эти деньги.

Что такое Федор Иванович Миллер? Портрет расплывается, как чернила на волглном листе его письма от 15 июля 1827 г. (Видимо, подмочено при пересылке.)

Его собственный сын, лейтенант гвардейского экипажа, 14 декабря вышел на Сенатскую, но покинул мятежное каре еще до картечи. Членом Общества он не был, отделался крепостью да Кронштадтом, а в июне 1826 г. последовал царский приказ «немедленно освободить». Менее повезло племяннику Федора Ивановича, штабс-капитану лейб-гвардии Финляндского полка Николаю Репину: пошел в Сибирь. И печальная судьба обоих: в 1831 г. сын умрет на юге от холеры, а племянник в тот же год погибнет на поселении в ночном пожаре.

В Пушкинском Доме хранятся несколько писем Ф. И. Миллера более позднего времени. (33) На них нам удалось обнаружить несколько приписок и помет Н. М. Рылеевой. Миллер жалуется на ее недоверие к нему. А Рылеева вымарывает из писем опекуна своей дочери все медоточивые эпитеты. Видимо, отношения их испортились окончательно.

И все ж благодаря Ф. И. Миллеру мы знаем: могила казненных была на «уединенном острове» за Смоленским кладбищем. Или, как утверждают другие, — «на одном пустынном островке Невы» (Жандр), «на одном из островков Невы» (Муравьев), «на взморье», «в конце острова», на островке, где «ничего, кроме кустов».

Островок, входящий в состав Голодая и расположенный в северной его части, малый остров, куда можно пройти пешком через брод или временный мостик, клочок суши, закрытый, если смотреть со Смоленского поля, рощами Смоленского кладбища, — это остров Гунаропуло¹. Первый из трех островков в километровой голодаевской косе, от Голодая отделенный с юга протокой, которая в самом узком месте — два метра шириной. И сам островок — полтора метра на триста — лежит одновременно и в Неве, и на взморье. На нем и впрямь никаких строений: на плане Ф. Шуберта отмечено лишь несколько деревьев. Луг да болото. Да кустарник (он нанесен на планах 1823 и 1865 гг.). На северо-востоке, чуть отступя от берега, на плане 1828 г. — п-образный обрыв. К востоку — береговая полка, протока, а за ней — высотка с «Избушкой Рыбаков» (так у Шуберта). Других рыбацких избушек на Голодае нет. Впрочем, еще в 1819 г. высотка занята артиллерийской батареей, запиравшей вход в Малую Неву. И обрыв на Гоноропуло — руины фортификационного вала, который по правилам военной науки XVIII в. должен располагаться за рвом: вал и превращенная в ров протока защищали батарею с запада. Место это действительно «на прибрежии Голодая»!

Княжнин говорил о выпуклых скалах. Но на Голодае две «скалы» рядом — лишь в этом месте. Они и впрямь «выпуклые», если смотреть с Петровского острова: стрелка вала на плане выше вала, а высотка с избушкой, судя по длине штриха, не только раза в два выше стрелки, но и сама словно взбухает на севере крутой макушкой. Здесь и стоит изба рыбаков.

На Петровском к берегу подходит еще один земляной вал.

Тут, рядом с валом — брандвахта, пост полиции для наблюдения за акваторией и входящими в Малую Неву судами. Сюда обер-полицмейстер обязан наведываться по долгу службы. Отсюда удобно присматривать и за могилой казненных.

Линия меж двумя «выпуклыми скалами» проведена самой природой. С вала на Петровском или с брандвахты вход в протоку почти не виден, а гребень высотки в проекции сходит вниз и упирается в гоноропуловский берег прямо у вала.

Мы еще убедимся в точности этой привязки.

В 1830 г. Княжнин провоцировал киевских помещиков своим знанием. И когда те благонамеренно изумились, зачем он сие излагает, полицейский дал весьма замечательное разъяснение: мол, то, что сегодня считается дурным, завтра может оказаться добрым.

Киевляне, кажется, не поняли странной выходки генерала, не уразумели, что генерал испытывал их верность престолу. Но, как опытный шпион правительства — а именно в такой роли знали Б. Я. Княжнина и в бытность его на Дону — генерал действует по испытанной, можно

¹ Так на плане 1828 г. Позже в картографии утверждается написание «Гоноропуло», которому мы и будем следовать.

сказать классической схеме. В тоталитарной стране и раб, и царь несвободны. Свободен (субъективно, конечно) только жандарм. Он один может прилюдно охать и царя, и Царя Небесного, один может похвастать знанием, где зарыл он тела казненных, и даже намекнуть, что потомки придут на это место поклониться подвигу. Стукач-профессионал, он находит высшее наслаждение в безнаказанности. Циник, он искушает слушателей, выдавая им часть подлинной правды. Он уверен: по его очень точной и даже остроумной привязке найти захоронение весьма трудно. Потому что это лишь «местная привязка». Пойди поищи эти «дальние скалистые берега Финского залива», если не знаешь, что речь о Голодае, а смотреть надо с Петровского.

И все-таки жандарм выдал тайну. Проще — проболтался. Ну откуда ему было знать, что один из слушавших запишет его откровения по-польски, что через десятилетия рукопись эта будет опубликована?

В рукописных и печатных источниках пушкинского времени нам удалось обнаружить разные варианты написания фамилии тех, кому принадлежал остров Гоноропуло и мыза близ него: Ганоропуло (34), Гонаропуло (35), Гоноропуло (36), Гонурополо (37), Гунаропол (38), Гунаропуло (39), Гунаропол (40), Гунорапуло (41), даже Гуноролопов (42), Гуноропол (43), Гуноропуло (44).

Причем подчас в одном издании на разных страницах — разные варианты.

В XIX веке писали по слуху. Мы и у Пушкина найдем: Годунов и Гудунов, Конгур и Кунгур, Кондрава и Кундравы. (45)

По слуху, а значит, до выхода плана Шуберта, сделана и таинственная запись «14 июля 1826 Гонар < опуло >».

Это выяснится, когда заведующий Лабораторией консервации и реставрации документов АН СССР Д. П. Эрастов ослабит масляное пятно люминисценцией, а после сделает снимок в отраженных ультрафиолетовых лучах. Да, Цявловский верно прочитал первые три буквы: «Гон...» А четвертая написана так же, как русское «А» в заглавии «Ариона» (автограф в той же тетради). Пятая заканчивается полукруглым росчерком. Именно такой росчерк у даты на автографе «Ариона»: «16 июл...»

Текстологи подтвердили корректность нашего чтения. Когда же в октябре 1989 г. пушкинская группа ИРЛИ АН СССР сочла, что материала для такого прочтения недостаточно, сотрудница ЛКРД Л. Г. Мазунова улучшила качество снимков. Была сделана экспертиза во Всесоюзном Научно-Криминалистическом Центре МВД СССР, и эксперт М. Н. Сосенушкина установила корректность нашей прориски. Независимо от нее С. В. Житомирская и Д. С. Лихачев, изучив снимки, дали свои положительные заключения.

У каждой экспедиции свой маршрутный лист. Для голодаевской экспедиции «Огонька» им стал пушкинский «путеводитель» из повести, со слов поэта записанной его приятелем В. П. Титовым.

4. ПУТЕВОДИТЕЛЬ

О том, что первая страница «Уединенного домика на Васильевском» — описание пути к могиле казненных, догадалась Анна Андреевна Ахматова. (46) Волей исторических сближений она разделила эту боль: сама искала тайную могилу Николая Гумилева. Нашла ли?..

Владимир Титов поведал, как появилась в «Северных цветах на 1829» эта странная сказка, подпisanная псевдонимом Тит Космократов.

Пушкин рассказал ее у Карамзиных. Титов, придя домой, записал (память у него, по мнению современников, была более чем отменной), а наутро разыскал Пушкина у Демута, убедил прослушать и воспользовался многими поправками поэта.

И текстологи, и Ахматова, как наиболее пушкинскую, выделяют лишь первую страницу повести. То ли Титов запомнил ее почти дословно, то ли поэт продиктовал ее.

Ахматова категорична: «К сюжету описание острова Голодая не имеет ровно никакого отношения, и ничто другое так подробно в повести не описано». И в другой работе: «Уединенный домик. Описание-могилы декабристов (место)». (47)

К ахматовскому выводу присоединился Геннадий Невелев: «Исторический анализ описания северной оконечности Васильевского острова в «Уединенном домике на Васильевском» дает основание утверждать, что выбор в качестве сценической площадки повести именно этой части острова связан с предпринятым поэтом поиском могилы казненных декабристов...» (48)

Пройдем же по Васильевскому вместе с Пушкиным:

«Кому случилось гулять кругом всего Васильевского острова...»

С первой строки ясно, что прогулка наша состоится по берегу: мы пойдем кругом всего Васильевского, а не поперек, то есть через мост в створе 8—9 линий, а не через Немецкий мост.

«...тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга. Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных огромных строений, и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длинною косую в сонные воды залива. По мере приближения к этой оконечности...»

Вновь подчеркнуто, что путь наш лежит вниз по течению Малой Невы, в направлении километровой голодаевской косы из трех островков — Гоноропуло, Кашеварова и Жадимировского. С косы для Пушкина и начинается залив. Значит, Гоноропуло — это уже взморье.

«...каменные здания, редя, уступают место деревянным хижинам; между ними хижинами проглядывают пустыри; наконец, строение вовсе исчезает, и вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами...»

Именно тут, через мостик в створе 8—9 линий должна была ехать телега с телами казненных. Если, конечно, их и впрямь не переложили в лодку где-нибудь у истока Смоленки. Но и лодка будет спускаться вниз по течению параллельно этой дороге, ведущей мимо чугунного заводика и торца канатной фабрики. До начала XIX века на месте фабрики был острог для каторжников. Но если все же лодка — вымысел, значит, сразу за «канаткой» телега движется по берегу или по гребню земляной дамбы, окружавшей эту часть Голодая. Слева от дамбы — «ряд просторных огородов». За ними — рощи Смоленского кладбища. Те самые, которыми Л. М. Жемчужников будет любоваться со Смоленского поля. Кстати, зодчий Гомзин жил в 8-й линии (значит, той же дорогой шли Рылеева и Каменская!).

«...он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями...»

«Последняя возвышенность» — уже знакомая нам высотка с рыбацкой избушкой. Рыбаки укрываются в ней только в случае неожиданного ненастья. Сейчас избушка безлюдна. Сиротлива.

«...ров, заросший высокою крапивою и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий...»

Руины вала, как мы уже знаем, и впрямь высятся над восточным берегом Гоноропуло. Возвышенность — ров — вал. Так у Пушкина, так у Шуберта. Две «скалы» друг против друга. Так и у Княжнина.

Ошибся поэт в одном. Эту ошибку подметил ленинградский историк и краевед А. Д. Марголис: вал на Гоноропуло — фортификационное сооружение, а не «оплот от разлитий». Но в 1827 году уже не было голодаевской батареи, и вал, куда более старый, чем соседняя дамба, должен был восприниматься как часть водозащитных голодаевских сооружений, возведенных после наводнения 1824 года.

«...а дальше лежит луг, вязкий как болото, составляющий взморье».

Так и на Шуберте. Луг за валом переходит в болото. И именно отсюда начинается взморье, берег Финского залива. Ведь Гоноропуло — первый островок косы, которая «вдаётся в сонные воды залива». Здесь Малая Нева заметно начинает расширяться, сбивая с толку и мемуаристов. Княжнин говорит о заливе, помощник квартального о взморье. Ему вторит и анонимный слух, записанный Н. А. Рамазановым. И спорят («островок Невы!») А. М. Муравьев и А. А. Жандр.

Классическим стихам «Медного всадника» — «Остров малый На взморье виден...» предшествовал черновой набросок «Есть малый остров у залива, Кой-где растет едва крапива...» Сомнение поэта точно рисует эту двойную с точки зрения реальной географии картинку. Но ведь и другие спорят — взморье или еще река? Этот заочный спор, эта «несогласованность» еще раз указывают на островок Гоноропуло.

«И летом печальны сии места пустынные, а еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Пе-

тровского острова,— все погребено в седые сугробы, как будто в могилу». (49)

Бор на Петровском — как раз напротив, вокруг дворца. Восточней и западней — лиственный лес, с бором не спутаешь, тем более зимой.

И еще одна, очень важная подробность из «Уединенного домика...» Ближайшей к «последней возвышенности» в повести названа церковь Андрея Первозванного. Нетрудно убедиться, что мы правильно шли по пушкинскому «путеводителю». Если идти не «кругом», а поперек Голода — много ближе окажется Смоленская церковь. Видимо, дорогой через Немецкий мост, той, о которой рассказал помощник квартального, Пушкин не пользовался, предпочитая прогулку по берегу реки.

Кстати, именно такую прогулку по валу «вокруг всего острова» рекомендует книга из личной библиотеки Пушкина. (50) Даром, что вал другой, и остров не Васильевский — Елагин. Поэт не только отметил это место в книге чернильным крестиком (исследователи почему-то не заметили ни маргиналий, ни рисунков Пушкина в этой книге), но и воспроизвел стиль этого путеводителя XVIII столетия, даже воспользовавшись некоторыми его клише.

5. СВИДЕТЕЛЬ АХМАТОВА

Комментируя «Евгения Онегина», Владимир Набоков называл арачьевские военные поселения прообразом сталинских колхозов. Исторические аналоги неизбежно условны. Но вообразим, что живет человек, способный провидеть, как современные частности густо прорастают в грядущем, как единичное событие тянет за собой нерасторжимую цепь других — тяжкую, кандальную. Вглядываясь в казарменное рабство российских пахарей, Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» пророчил пепелище на месте романовского дома. Чертя виселицы на черновике, угадывал грядущие возмущения и казни. Что воображал он, стоя над братской могилой повешенных? Неужели Колыму и Курапаты, десятки километров отечественных рвов XX века?

Бибиковой император изволил разъяснить, почему ей нельзя будет взять и похоронить по-христиански смертные останки казненного брата: мол, это «неудобно». Отняв жизнь, верховная власть на сей раз этим не удовлетвовалась, — предъявила права и на саму смерть. В примечаниях к «Полтаве» Пушкин спорит: казнили и при Петре, но тела не прятали — отдавали родственникам. Смысл этих примечаний и вскрыла Ахматова в своей, не предназначавшейся для печати статье.

«Как, разве нас судили?» — воскликнет при прочтении приговора один из декабристов.

«Как, разве нас хоронили?» — может сказать на Страшном Суде каждый из тех казненных.

Соблюдение похоронного обряда — это еще и гарантия цены человеческой жизни.

Укрыв, а проще — украв тела пяти казненных, русские цари исторически были обречены на последнюю реплику вещего Олега: «...Мне смертью кость угржала!»

Нам страшно задним числом. Пушкину было страшно впрок.

Ахматова стала очевидцем сбывшегося пророчества.

Свою боль она могла высказать прилюдно лишь в пушкиноведческой статье, датированной 23 января 1963 года.

«Пушкин и Невское взморье» — прежде всего автобиография, и только потом пушкинистская работа. Это видно даже по мелким неточностям. Скажем, строка «И я бы мог как шут...» действительно появляется над рисунками с декабристской виселицей, но не «на черновиках «Полтавы». И не барон Розен, а А. А. Жандр «ездил по взморью, чтобы найти могилы пяти казненных друзей». Мелкие эти ошибки, не откомментированные ахматоведами, вернее прочего показывают: свою статью Ахматова вынашивала многие годы и записала многое по памяти. Иначе материал был бы под рукой, и как скрупулезный пушкинист автор сверился бы с источниками. Источником, главным и основным, стала собственная беда: «безымянная могила на Невском взморье должна была казаться ему почти собственной могилой...» (51)

Ахматова обнаружила два стихотворных текста, где, по ее мнению, описан остров с декабристской могилой. Сначала черновик 1830 года «Когда порой воспоминанье...».

...Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там,
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод влажный¹ расстиляет
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок...

¹ Так в черновике. Поэт дважды написал этот «арионовский» эпитет и один раз оставил незачеркнутым. Созвучие с прилагательным в предыдущем стихе имитирует накат волн на берег. (В современных изданиях принято чтение «невод мокрый».)

Мы уже знаем, куда «порой» может приплывать невский рыбак. Повторим: единственная «избушка рыбаков» на голодаевском берегу, по Шуберту, как раз у берега Гоноропуло, на «последней возвышенности», сразу за рвом. Устье рва, отмель и начало этой высотки поэт и нарисовал на черновике под последними его строчками.

Второй фрагмент — строки из «Медного всадника».

Остров малый

На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит...

До сих пор «остров малый» тождествен «печальному острову» из болдинского наброска. Только вместо пушкинского челнока — челнок чиновника (в черновой и даже в белой рукописи и того откровенней — мечтателя):

Или мечтатель посетит,
Гуляя в лодке, в воскресенье
Пустынный остров...

Ахматова пишет: «Остров Голодай получил свое название не от слова «голод», а от английского Holyday (праздник), потому что английские купцы ездили сюда по воскресеньям». (52) Этимолог сообщает, что в XVIII веке на Голодае была мыза англичанина по фамилии Holyday. (53) Историк спорит: купца Голидэя никогда не было!

Читаем в справочнике 1794 года, в том самом, где нам удалось обнаружить неизвестные пометы и рисунки поэта: «На малой Неве есть еще несколько принадлежащих к Васильевскому острову небольших островов и на одном из оных построен из бревен четвероугольный острог, в котором запираются осужденные к тяжелой работе преступники». (54) Острог — так следует из приложенного к этому изданию плана — был на месте канатной фабрики. Поражают его размеры: внутренний двор — более трехсот метров в длину. «Голодарь» или «голодай» по Далю — голодный. Сюда приходили с подаванием горожане. Был купец с «праздничной» фамилией или нет, катались здесь англичане или не катались, — в XVIII веке острог не только самое крупное, но едва ли не единственное строение на острове. Страшное строение.

Название острова принадлежит восемнадцатому веку, но на планах города начинает мелькать лишь с десятых годов века девятнадцатого, уже после того, как острог перестроили под «канатку». Видимо, писать на картах «Голодай» при действующей тюрьме для каторжников было тоже «неудобно».

В отрывке 1830 года есть черновая строка «Кой-где растет кустарник тощий...». В черновике «Медного всадника», как мы помним, был вариант с крапивой. Но поэт стремится уйти от точного портретирования достопамятного пейзажа: «Не возросло Там ни былинки...»

6. ПОЛЕМИКА. ТУР ПЕРВЫЙ

Ахматова нигде не утверждала, что «остров малый» из «Медного всадника» — Голодай. Напротив, вспомним ее строки: «Кроме Голодая на взморье много мелких островков...» Увы, в первых изданиях этих очень важных строк не оказалось, и читатели ахматовской статьи отождествили «остров малый» с Голодаем. Не с Невским взморьем Голодаевского острова (о чем пишет Ахматова), а со всей «северной оконечностью» Васильевского¹.

Против такого отождествления первым восстал московский литературовед А. Е. Тархов. Справедливо рассудив, что Голодай назвать малым островом, где «ни былинки», — невозможно, он решил, что «остров малый» — это остров Вольный, лежащий уже в заливе.

«Малым» его можно считать хотя бы по отношению к тому же Голодаю (и все ж с запада на восток Вольный — более километра!). К тому ж Вольный богат растительностью: не кустарником — целыми рощами... Но, если в своей «позитивной программе» исследователь явно ошибается, его критика постахматовской легенды во многом справедлива: «...остров, во-первых «малый», а во-вторых, «лежит на взморье» — чего никак нельзя сказать о Голодае, который, по существу, есть оконечность большого Васильевского острова, и увидеть его отдельно лежащим на взморье просто невозможно. Достаточно взглянуть на карту Петербурга». (55) А. Е. Тархова поддержал Н. В. Измайлов. (56)

Им возражал Г. А. Невелев. Согласившись на словах с «формальной» правотой литературоведов («...их возражения А. А. Ахматовой справедливы»), он неожиданно заключает: «Но Голодай — возвышенность, вдававшаяся «длинною косою в сонные ряды залива», с низким заболоченным берегом, составляющим взморье, и при взгляде с залива, со стороны Петровского острова, он, будучи резко отделенным речкой от остальной части Васильевского острова, выглядит небольшим пустынным островком». (57)

Разумеется, такой способ доказательства вызвал протест у краеведов: «В действительности «при взгляде с залива» ни с Петровского, ни с Крестовского островов речка, отделяющая Голодай от Васильевского, совершенно не видна». (58)

¹ Примерно так Г. А. Невелев, не работавший с планами, принял Голодаевскую косу в путеводителе Пушкина и Титова за сам Голодай.

Особую позицию в споре занял литературовед Ю. Б. Боров: «Учитывая прохождение через цензуру, автору важно, чтобы остров был узнаваем и неузнаваем». (59). Замечание вполне резонное: скандал мог возникнуть и после прохождения цензуры. Но если уж ты преподнес читателю Голодай как крохотный островок без единой былинки, «узнавания» не произойдет даже в патологическом воображении цензора.

В. Ф. Шубин, чутко возразивший Г. А. Невелеву и иронизирующий над выкладками Ю. Б. Борева, вдруг сам увлекается и, хотя держит в руках план Ф. Ф. Шуберта, неожиданно заключает: «Голодай трудно счесть удобным и притягательным для воскресных прогулок чиновников, а уж тем более мечтателей... большая же часть Голодая... представляла собой равнину, занятую огородами». (60)

Ни первое, ни второе действительности не соответствует: огороды на Голодае есть — лишь в восточной и центральной частях острова. А по поводу неудобности и особенно непритягательности, вспомним: «Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова...»

Так простая невнимательность привела к утомительному и бесплодному спору.

Черту подвел тот же В. Ф. Шубин: «Смутное воспоминание» о месте захоронения декабристов — это произвольные ассоциации, создавшие своего рода эмоциональный фон эпилога...» И еще: «...увлекаться буквальным отождествлением «острова малого» с каким-то из островков невской дельты, по-видимому, не следует». (61)

Здесь мы касаемся самой природы поэтической тайнописи Пушкина. Это менее всего детско-канцелярская забава припрятать кукиш и подразнить современника. Это опознавательные знаки, болехранилища души. Вольно и невольно, осознанно и бессознательно, с расчетом на читательское понимание или вовсе без оного русский стихотворец не может не оставить этих примет духовной и житейской бури. «Экспертом» здесь та же Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда...»

Но «поэтическая тайнопись» обнаруживается не только в стихах. Московский поэт и филолог Елена Дьякова заметила параллель с рылевской судьбой в драматическом отрывке «От этих знатных господ...», где к осужденному на казнь графу Конраду на последнее свидание приходят жена и дочь.

7. СЕМЬ ПУШКИНСКИХ РИСУНКОВ

Наш поиск начался с атрибуции рисунков поэта в так называемой Третьей масонской тетради (ПД 836). Рисунков, предсказанных исследованием Г. А. Невелева: «Сам факт существования у Пушкина текстовых

или, возможно, графических записей о месте захоронения казненных декабристов... не вызывает сомнения». (62)

Три пейзажных зарисовки на развороте рабочей тетради (л. 28 и 27 об.) сделаны в июле или августе 1827 года.

Лист 27/об. Сверху — характерный уступ стрелки вала на Гоноропуло. Он нависает над грудой камней. Их собрала еще прошлым летом вдова Рылеева. Впрочем, вряд ли женщине по силам даже прикатить самый крупный из них, так похожий на череп ископаемого чудовища. Кто помогал? Федор Иванович Миллер? Кто другой? Мы вряд ли узнаем.

Второй рисунок внизу, на том же листе. Вновь уступ (он отмечен и на плане Шуберта), только рисовальщик стоит уже над ним. И за плечом поросшего колючим кустарником уступа, на месте, где только что лежала рассыпанная «грудка булыжников» да черепоподобный валун — абрис могильного камня, вертикальная плита, чуть закругленная сверху. Фантом будущего памятника.

Справа, во всю страницу — третий рисунок.

Тот же валун, только развернутый на 90° ¹. За ним — сломанное дерево, может быть, — молодая сосна, погибшая год назад, когда заступы могильщиков и негашеная известь не пощадили ее корней. Дальше — заросли «высокой крапивы и репейника» во рву. И над всем — контур двухступенчатой (как на плане!) «последней возвышенности».

Делаем привязку к плану Шуберта. Совпадают даже углы разворота камня и стрелки вала. Но кто это подтвердит? Кто проведет экспертизу? А пока леплю макет и отправляюсь в Ленинградский Дворец молодежи. С художницей Татьяной Гоголевой, фотографами Андреем Усовым и Виктором Лаврешкиным ставим эксперимент: разворачиваем макет строго «по географии», прикрепляем вместо солнца «пятисотку». Тени легли по-пушкински.

— А это у Пушкина рефлекс реки...

— Сейчас увидишь! — Таня кладет на пластилиновую реку глянцевый лист фотобумаги. Грань обрыва «последней возвышенности» озаряется матовым сиянием. Делаем снимки. На фотографиях действительно пушкинский пейзаж. Камни, а значит, и могила, по нашим расчетам, метров на пять южнее стрелки вала на Гоноропуло.

Четвертый рисунок — даже не рисунок, а набросок топографического плана на черновике «Воспоминания» (весна 1828 года ПД 838, л. 14). На нем одной чертой — берег Малой Невы, перпендикулярно к нему ров меж Голодаем и Гоноропуло (с очень узнаваемым болотцем в южной части). Штрихом — линия «последней возвышенности». Полуокруглый штрих там, где у Шуберта самое узкое место протоки. Здесь, вероятно, был брод или не отмеченный у Шуберта мостик.

¹ Разворот проверен «по точкам» двух пушкинских проекций камня и на объемной его модели.

Набросок плана на листе под строкой «В безумстве гибельной свободы...». В черновой редакции (низ того же листа) речь о двух ангелах, говорящих поэту о тайнах гроба и бытия. Это отсылка к первой главе «Деяний Святых Апостолов»: два ангела в белых одеждах возносили Христа после воскресения. Но можно вспомнить и Апокалипсис...

А теперь вообразим такую ситуацию: узника везут на корабле на суд императора. Кормщик не внял совету узника задержаться в пути, и корабль попадает в бурю. Узник пророчит, что все спасутся: «Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров». В 14-ю ночь почувствовали приближение земли. В 14-й день бури увидели залив и пологий берег и, «поднявши малый парус по ветру», выбросились на песчаную косу. «Нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн». Корабль погиб, люди спаслись вплавь, а полупрошенный узник два года жил под присмотром лишь одного воина и проповедовал «со всяким дерзновением невозбранно» то, за что он был заключен.

Добавим, что рассказ этот апостол Павел ведет от первого лица (Деяния, гл. 27 и 28).

Биографические сближения с судьбой Пушкина поразительны. Текстовые — с «Арионом» и отрывками «Кто знает край...» и «Когда порой вспоминаешь...» — очевидны. Сравним «Было нас на корабле...» или «В 14-ю ночь, как мы носимы были в Адриатическом море...» — «Нас было много на челне...», «...во тьме ночной Адриатической волной...» и т. д.

На черновике к береговой линии топографического плана приткнулся кораблик. Он под одним парусом выбросился на берег: нос увяз в песке, на корме — гакобортный фонарь. Справа на листе — стилизованный римский юноша и мачта с «малым парусом». А неестественно короткий бушприт кораблика уткнулся в точку, где похоронены декабристы. (Кораблики на петербургских планах — традиция XVIII в.)

В той же тетради оказался и пятый рисунок (л. 95 об.), сделанный размашистым пером в том же 1828 году.

Как и остальные, он сделан, очевидно, не с натуры — по памяти. Точка зрения художника — метрах в двухстах от избушки и стрелки вала. Зато все и уместилось: ров, его западный и южный берег, безымянный островок посреди болотца, дорога через него (гать или мостики) к «последней возвышенности», избушка рыбаков с вальмовой чухонской кровлей и навесом с юга, стрелка вала, подмытая «хладной пеной», деревья за ней, обломок дерева перед нависающим уступом стрелки. И даже, слева на самом краю листа, — перекинутое через неширокую протоку бревно. Там, где мы раньше и предполагали брод или мостик.

Когда ленинградские архитекторы П. С. Прохоров и Т. Н. Ознобишина по плану 1828 года выполняют перспективное построение на специальном чертежном приборе, идентичность пейзажа будет подтверждена наглядно.

И та же Татьяна Николаевна Ознобишина, может быть, самый активный участник нашей экспедиции, разыщет в ЦГИАЛе подробные

планы этого места. Там, где при Пушкине временный мостик, в 60-е годы XIX века от мызы к берегу Малой Невы проложена дорога. С небольшим, но вполне «стационарным» мостом.

Шестой рисунок — крохотная виньетка на первой странице черновой рукописи «Медного всадника» (ПД 845, л. 7 об.). Вновь стрелка вала, две его направляющие — на юг и запад, деревья за валом с севера. Они отмечены в этом месте и у Ф. Ф. Шуберга. Только нет уже обломка сосны под самой стрелкой. Да и вал за шесть лет оплыл еще больше. И чтобы акцентировать внимание на пяточке в пяти метрах южнее все так же нависающего уступа, Пушкин горизонтальным штрихом отмечает место избушки, и, совсем по княжнинской привязке, проводит диагональный штрих, указательную стрелку. Она направлена точно туда, где еще летом 1827 года лежала «грудка простых бульжников».

И последний рисунок. О нем мы уже рассказали: он под черновиком стихотворения «Когда порой воспоминанье...», поэт несколькими линиями изобразил устье рва, откос «последней возвышенности» и удаляющийся вверх по реке челнок с единственным в нем гребцом. Рисунок сделан все с той же заветной точки, возле стрелки вала.

Описывать рисунки при помощи слов — занятие малоблагодарное. Даже когда рисунки перед глазами, кто-то обязательно скажет «не вижу». «Атрибуционную справку» с экспертным заключением автора общей теории перспективы академика Б. В. Раушенбаха поисковая экспедиция передала в Пушкинский кабинет ИРЛИ АН СССР.

8. ОТКАЗ ОТ ПОЛЕМИКИ

12 апреля 1988 г. геолог В. Овчаренко и инженер В. Орещенко в газете «Ленинградский рабочий» опубликовали сенсационную новость: казненные декабристы похоронены на острове Вольном! Их статья называлась «Тайна пустынного острова». Смелость гипотезы была очевидной: все-таки о Вольном не говорит ни один из современников казни на кронверкском валу... Зато и авторы этой публикации не вспомнили ни об одном из голодаевских указаний.

Пожалуй, до начала 1989 г., до сообщения телепередачи «600 секунд» о том, что некий экстрасенс при помощи экскаватора «откопал декабристов» на Петровском острове, соперничать с этой версией не могла ни одна другая. Тем более что самые простые вещи в этой статье становились загадочными. Скажем, технический брак на одном из ленинградских планов авторы сочли заobelisk, якобы стоявший некогда на Вольном. Трехсотметровую протоку меж Вольным и Голодаем сократили ровно в шесть раз, а глубину ее (на карте 1860 г. — 10—14 футов) — до 30 см. А уж заодно и срок николаевского караула у могилы казненных с четырех месяцев до одного. Сам Вольный остров, вошед-

ший в черту города и попавший под полицейский надзор лишь в 1878 году, авторы сочли принадлежащим городским властям и т. д.

Но самое интересное — попытка совместить несовместимое: рассказ помощника квартального надзирателя и путеводитель Пушкина и Титова. То есть идти одним маршрутом по ориентирам другого. На телеге вымысла не трясет, и геолог с инженером, уверенные, что «при сгоне воды протока вообще не существовала», въезжали на Вольный посуху. И хотя Голодаевский переулочек — ломаная линия, во все времена выведи́вшая к взморью недалеко от Гоноропуло, от него за Армянским кладбищем в сторону Вольного есть ответвление. Но в самом начале оно перегорожено дачей купца Жадимировского, стоящей буквально посреди дороги. В полукилометре от взморья проулочек этот превращается в тропку, а та теряется в болоте и к заливу не выходит. Совместив два самостоятельных и разными дорогами ведущими к цели рассказа, авторы не заметили, что далеко позади остался «ряд огородов», что нет здесь ни возвышенности, ни строений, ни рва.

На курьезную эту публикацию можно было бы не обращать внимания, но 21 апреля 1989 г. в «Литературной России» журналист М. Филлин взял плохо лежавшую эту версию и, не сославшись на предшественников, несколько ее модернизировал. Модернизация заключалась в том, что этот автор по воде аки посуху протоку между Вольным и Голодаем не форсировал, а стал искать ров и последнюю возвышенность на голодаевском берегу.

Старик полицейский представлял себя стоящим на Смоленском кладбище, и «переулочек налево» выводил его к Армянскому кладбищу. Журналист из «Литературной России» инверсирует рассказ: сначала Армянское кладбище, потом — «переулочек налево». Его не смущает, что Голодаевский переулочек на всех планах XIX и начала XX веков выводит к северной стороне Голодая, к островку Кашеварова, смежного с Гоноропуло. Журналист закрывает на это глаза и идет на перестановку последовательности рассказа. Представим же вслед за ним, как похоронный конвой, перебудив людей и собак, протискивается в метре от окон купеческой дачи, а потом увязает в прибрежных болотах. Пусть так. Но дальше начинается и вовсе невероятное... Цитирую: «Нетрудно убедиться, что открывающиеся пейзажи идентичны пушкинским описаниям местности из «Уединенного домика на Васильевском».

К берегу проулочек Жадимировского никогда не выводил. Огороды остались далеко позади, и их ряд не приводит к «последней возвышенности», потому что никаких возвышенностей здесь нет. По левую руку не рощи Смоленского кладбища, а сосновый бор. О сиротливом домике автор не своей версии вообще предпочитает не вспоминать: дело в том, что западнее дачи Жадимировского на Голодае — ни одного строения. Забыл он и о том, что идет не «кругом всего... острова», а поперек и не к Голодаевской косе, а параллельно ей.

Но самое странное только начинается: «Чуть впереди — «ров», линия которого почти повторяет округлые береговые очертания».

«Ров» совершенно справедливо взят в кавычки. Потому что это обыкновенный, вьющийся лугом ручеек. Цитирую далее: «Северная оконечность рва выше южной и служит валом...» Этот сюрреалистический пейзаж М. Филин выдает за пушкинский, но продолжим цитату: «она (оконечность рва! — А. Ч.) — полная копия пушкинских «гор, лежащих полукругом».

Не рискуем анализировать строй подобных трансплантаций, заметим лишь, что само превращение ручья в ров, рва в вал, а вала в горы из «Евгения Онегина» весьма впечатляет масштабом земработ, проведенных журналистом «Литературной России» на площади одного абзаца. Тем более что на плане нет даже намека на разную высоту берегов невинного ручейка, текущего меж лугом и болотцем.

Столь же решительно и пронизательно три песчаные отмели, отмеченные на карте 1828 г. россыпью точек, журналист называет... скалами. И не замечает, что с места, где он остановился, видны не «противоположные берега Петровского острова», а берег Вольного и острова Жадимировского, что до бора на Петровском — более километра, остров и две полноводные протоки. А ведь Пушкин не случайно в последней фразе путеводителя говорит именно о боре. Сосны и ели на Петровском — только напротив острова Гоноропуло, и то, что можно спутать при первом, невнимательном взгляде на карту, не спутаешь на натуре. И тем более зимой, когда лиственный лес гол.

С М. Филиным мы не полемизировали; однако он счел, что «полемика не закончена» и в той же «Литературной России» выступил со статьей «Всего лишь версия» (1 сентября 1989).

А вот с группой ленинградских музейных и экскурсионных работников, чье письмо появилось в «Ленинградской правде» 26 марта 1989 г., а потом по настойчивым просьбам тех же авторов (М. Вершевская, Г. Урусова, Л. Бройтман и В. Шубин) напечатано в № 29 «Огонька», в полемику мы вступали не раз. Главным аргументом наших уважаемых оппонентов было то, что экспертиза, установив в пушкинской точке наличие древнего захоронения с известью, не может сказать, кому принадлежат обнаруженные останки, — животным или людям? Оставим эту тему до последней главы нашей книжки и перейдем к еще одному выступлению «Ленинградского рабочего», к статье «Тайна остается тайной», появившейся 14 июля 1989 г. и подписанной членом декабристской секции совета содействия Государственному музею истории Ленинграда С. Васильевой.

К сожалению, взявшись за перо, автор, видимо, невнимательно прочитала даже то, что было опубликовано в «Огоньке», и совершенно не касается ни тома материалов экспедиции, хранящихся в том самом музее, членом общественного совета которого она состоит, ни депониро-

ванной в Пушкинский Дом атрибуционной справки. «В «Огоньке» лишь приведены результаты анализов почвы, полученные при бурении и свидетельствующие о повышенной концентрации белка...» — пишет С. Васильева.

Это досадная неточность. В «Огоньке» № 4 за 1989 г. рассказано о результатах трех независимых экспертиз, проведенных ВНИИ МВД, ВСЕГЕИ и Бюро судмедэкспертизы Ленинграда (совместно с ЛГУ), и говорится не только о белке, но и о фрагментах кости с пленкой извести на одном из них.

Впрочем, С. Васильева, даже не ознакомившись с материалами экспертиз, заранее объявляет их вкуче с нашими разысканиями «подгонкой под ответ».

С. Васильева не понимает, как можно сделать привязку к валу на Гоноропуло, если «Голодай изменился до полной неузнаваемости!».

Но именно этому мы посвятили одну из огоньковских публикаций. Напомню, военные топографы, установив точность плана 1828 г., совместили его с современной картой. Что и удостоверили актом, составленным по всей форме. После этого трудно было промахнуться при бурении, и первые три скважины, сделанные через два метра, попали в древнюю яму. А корректность совмещения карт была проверена по линии торфа гоноропулова рва и по валу, остатки которого и сейчас сохраняются на глубине.

Смущает С. Васильеву и «обломанное дерево» на рисунках поэта. Она пишет: «О нем нет никаких упоминаний ни в каких текстовых источниках, а ведь его могли заметить М. Ф. Каменская и Л. М. Жемчужников...» Не могли. Потому что между этими посещениями без малого тридцать лет. В 1826 г. дерево (видимо, низкорослая сосна, кору и древесину которой потом обнаружат криминалисты) еще стояло. В 1827 г. Пушкин зарисовал ее обломок.

Итак, вместо полемики мы услышали суждение о «двухлетних манипуляциях со славными именами», узнали наш «перечень ошибок» и «принципиальных просчетов», нам были предъявлены «пункты обвинения», перед нами возникла «угроза вседержавного конфуза», мы открыли, что «весомости научных аргументов» противопоставили «броню громких имен и титулов», огорчились за Д. С. Лихачева, которому в оценке нашей работы не хватило «глубоких специальных познаний», устыдились за него и других ученых Пушкинского Дома, избалованных в «протекционизме», уобаялись ответственности за растрату «немалых народных средств», сами были разоблачены в «явных подтасовках», в искусстве передергивать и усекать цитаты нас поставили выше Красовского, нам прямо заявили, что даже М. Филин (а весь этот список взят

из его статей) не желает быть нашим «сообщником»: И, наконец, мы обнаружили, что атрибутированный нами два года назад рисунок из ПД 836 с нашей аннотацией и без всякой ссылки перенесен на полосу «Литературной России», где и прижился в качестве самостоятельной находки строгого нашего критика.

Еще мы узнали, что наши «неточности и ошибки» свидетельствуют «о том, что автор не полностью владеет материалом», что мы, «взяв, по сути дела, страницы из труда Г. Невелева» и «пересказав их близко к тексту», лишь сдобрили их «красотами стиля», а еще раньше «преступили моральные нормы исследователя и поэта», «приделав Венере Милосской отломанные руки» (это уже «пункты обвинения» из заметки С. Васильевой). И те же критики обиделись: мол, почему это мы сочли их неполемикоспособными, не приняли вызов и не ответили в журнале? И впрямь — почему?

9. ГРОЗА 15 ИЮЛЯ 1827

Пушкин говорит о волновой погоде, занесшей челнок к берегу «печального острова». Метафора?

Г. А. Невелев пишет:

«Обратимся к строкам стихотворения «Арион», датированного по этому в белой рукописи 16 июля 1827 года:

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Они имеют реальное историческое содержание... Стихотворение могло быть написано под впечатлением посещения острова Голодай в «исторический день», 13 июля, или, возможно, на самом «печальном и пустынном острове», на его «последней возвышенности», «под скалою» на «береге диком», <...> на могиле казненных друзей. (63)

13 июля? Помня свидетельство современника («народ повалил туда толпами»), заметим, что вряд ли едва прощенный и после унижительных моралей Бенкендорфа допущенный в Петербург Пушкин решился б на такой демарш. 14 июля? Но это годовщина похорон, значит, и в этот день на могилу может прийти... ну хотя бы тот же Федор Иванович Миллер. 13 июля он служил «на самом месте» панихиду.

Вспомним «Арион»: «Сушу на солнце под скалою...»

Эта самая «скала» (мы знаем ее и по рассказу Княжнина, и по рисункам самого поэта) убеждала: предположение Г. А. Невелева можно подтвердить, если... найдется «гроза». Да, гроза в «Арионе» — метафора 14 декабря. Но зимние грозы — изысканная диковинка, и, что, когда сама метафора подсказана реальным происшествием на Невском взморье? Налетевшая среди бела дня буря — не в ней ли объяснение загадочной «волновой погоды», столь неподходящей для морских прогулок в челноке?

Листаю «Санкт-Петербургские ведомости». 12, 13, 14 июля 1827 года — солнечные дни середины питерского лета. Утром 15-го «рассеянные тонкие облака и сияние солнца». Ветер южный, слабый. Температура воздуха к полудню +17,6° по шкале Реомюра. Это +22°С.

Полдень: ветер западный, сильный, а в графе «наблюдение погоды» помечено: «пасмурно, дождь, молния и гром»!

Лодку можно взять и на Исаакиевском перевозе. Там, где нанял ее Евгений: «И перевозчик беззаботный Его за гривенник охотно...» В том же справочнике XVIII века, в пушкинской библиотеке, прочтем:

«Прогулки по островам и в садах часто совокуплены с прогулками по воде. Присутственные места имеют для перевоза через Неву, когда мостов нет, большие прекрасные шлюпки в 3, 4 и до 6 пар весел с искусными гребцами в голландском вкусе порядочно одетыми. Оным позволяется летом себе несколько заслуживать, а потому и можно их нанимать для прогулок по воде. Сии люди весьма ровно гребут и поют для увеселения нанявших их краткие, единообразные российские песни во весь голос, к чему квартирмейстер на рожке играет. В прекрасные летние ночи видны многие такие шлюпки на Неве». (64)

К вечеру 15 июля ветер переменялся и погода окончательно испортилась. Аквилон, как водится, разогнал бурю, и на двое суток зарядил балтийский слепой дождик.

Поэтому-то Миллер и навещал последний приют казенных лишь «до половины» июля. И след «волновой погоды» чудесным образом сохранило и его письмо к Рылеевой от 15 июля 1827 года. Лист, который был вплотную к конверту, отсырел, чернила на нем чуть поплыли, и застыл в архивной тишине отзвук раскатов того июльского ненастья.

Дата под «Арионом» не то, чтобы зашифрована, но по крайней мере засекречена: год обозначен всего одной цифрой «7».

После «Ариона» юношеская тема бури и гибели на море на недолгий срок захватывает лирику Пушкина:

31 июля 1827 года в «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной»: «Земли достигнув наконец, От бурь спасенный providеньем...»

15 августа, уже в Михайловском, появляются стихи о поэте, который, полный звуков и смятенья, бежит «на берега пустынных волн». Так

за шесть лет до «Медного всадника» рождается первая его строка.

17 сентября Пушкин сравнивает себя с певцом-гондольером, что плывет по взморью и распевает песни опального поэта: «На море жизненным, где бури так жестоко Преследуют во мгле мой парус одинокой...» Парус одинокий сначала заплывет из пушкинских стихов в поэму кавказского рядового Александра Бестужева, и уже оттуда ворвется в юношеские стихи Михаила Лермонтова. А в пятнадцатую годовщину декабристской казни Лермонтов, к тому времени тоже кавказский ссыльный, вызовет на смертный поединок своего приятеля, через день погибнет, и никто из присутствующих на той вечеринке не сможет вразумительно объяснить, из-за чего произошла ссора и по какому поводу была вечеринка.

«И тайные стихи обдумывать люблю» — это последняя строка стихотворения «Близ мест, где царствует Венеция златая...» — воспоминание об «Арионе», его двойной грозе.

19 октября 1827. И дата, и название стихов:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

6 ноября: «В бурю, в грозный ураган, Головы твоей, мой милый, Не спасет мой талисман».

По ноябрь 1826 года стоял над взморьем караул у братской могилы.

По ноябрь 1827 года арионовская буря не отпускала душу поэта.

Море замерзло — тема ушла.

Но в новом, 1828-м, когда правительство, наконец, прочитало «Гавриилиаду», когда завертелось дело о распространении стихов из «Андрея Шенье» (армейские офицеры станут их переписывать с заголовком «14 декабря»), июльские громы напомнят о себе: «Снова тучи надо мною собрались в тишине...» И там же: «Бурной жизнью утомленный, Равнодушно бури жду: Может быть, еще спасенный, Снова пристань я найду...»

Стихи эти появятся в том же томике «Северных цветов», где и «Уединенный домик на Васильевском».

10. КТО РАССКАЗАЛ ПУШКИНУ?

Невелев полагает, что поэт мог узнать от брата обер-полицмейстера Княжнина, поскольку А. Я. Княжнин был женат на подруге матери поэта. Но у такой цепочки слишком большая длина и непрочные звенья.

Андрей Андреевич Жандр? Но и его мы должны отвести: на «пустынном острове Невы» он не нашел «ничего, кроме кустов».

Называет Невелев и Рылееву, считая, что поэт мог познакомиться с ней в 1829—1832 годах. (Познакомиться они могли и до высылки Пушкина из Петербурга.)

Как мы помним, еще в Москве Пушкин просит А. А. Муханова прислать план Петербурга. Может, поэт, стремясь в столицу, просто хочет обновить в памяти Невскую перспективу?

Допустим. Но в начале зимы 1826—1827 годов в письмах друзей (пушкинские письма к ним не сохранились) трижды появляется имя рылеевской вдовы.

Плетнев — Пушкину, 2 января: «О выдаче 600 рублей вдове Кондрат-
<ия> никогда ты мне не писал, и только в первый раз я это вижу в последнем твоём письме. След., эта статья не числится у меня ни в расходе, ни в долгу. Если ты заблагорассудишь что-нибудь приказать мне, то теперь начинай снова...»

Раздосадованный Пушкин даже не ответил недогадливому своему делопровителю и препоручил просьбу.

Дельви́г — Пушкину: «Рылеевой из своего долга заплатил 600 рублей...»

Что это за деньги? Рылеев с Бестужевым выплатили Пушкину аванс за право напечатать в «Звездочке» ночной разговор Татьяны с няней. «Звездочка», уже отпечатанная, 14 декабря закатилась, как та «падучая звезда», так сильно перепугавшая Таню Ларину. Кстати, в черновике романа против строки с падучей звездой — начало января 1826 года — первый в пушкинской графике профиль Рылеева.

Почему Пушкин вдруг заторопился с долгом? Только что он написал и отправил с женой декабриста «Послание в Сибирь». Здесь спешка понятна: другой оказии может не случиться. Знает, что Рылеева надолго собирается в деревню? Откуда знает?

Меж тем приходит второе недоуменное письмо от Плетнева:

«В последнем к тебе письме своем от 2 января 1827 года (которого, кажется, еще ты не получил) я объяснил, почему не мог <...> доставить 600 руб. вдове Конд<ратия>».

Письмо датировано 18-м января. Почта шла три-четыре дня.

Читая письма Ф. И. Миллера, мы обнаружили некоторые неожиданные подробности этого «долгового сюжета». (63)

Сразу поясним два имени. «Арест Михайлович» — любопытная описка в двух письмах! — Орест Михайлович Сомов, сотрудник Рылеева, а позже — секретарь дельвиговских «Северных цветов». Анна Федоровна — сестра казенного поэта.

3 июня: «...зашел кстати к Аресту Михайловичу и наведывался в расуждении назначенных Анне Федоровне денег. Он их по медлительности своей еще не получал, и, кажется, по рассеянности и по беззабот-

ности своей о них и вовсе запечатывал; обещал, однако, после половины или в конце сего месяца вытребовать их от г. Пушкина и по доставлении оных согласно поручению вашему писать к вам и просить вас о высылке к нему росписки для предъявления оной Пушкину. Орест Михайлович по болезненности своей слишком недоверчив и без малейшей нужды чересчур уже обстоятелен. Я застал его переезжающим из дома Американской Компании к Круглому рынку по Мойке в доме Паульсона». (Л. 15)

24 июня: «Орест Михайлович раз пять напоминал о деньгах, но он что-то плохо движется, и как думается, вряд ли в нынешнем или в будущем месяце схлопочет доставить оные по назначению вашему Анне Федоровне». (л. 17 об.)

15 июля (на том самом, влажном от ненастья листе): «Письмо ваше Орест Михайловичу я вручил. Он обещал употребить старание о доставлении назначенных Анне Федоровне трехсот рублей в конце сего месяца или в начале августа. Он без сомнения сдержит слово». (л. 20)

Что произошло? Очевидно, Н. М. Рылеева писала Миллеру о том, что долг возвращен ей еще зимой. Миллер получил письмо 5 июля и показал его Сомову.

31 июля, пригласив Миллера в свидетели, Сомов отправится по адресу рылеевской сестры (она снимала комнатку и была должна хозяйке двадцать рублей), ровно в час по полудню встретится с Миллером у входа в дом. Анна Федоровна от радости и смущения даже не будет знать, как приняться за расписку.

2 августа: «...по принятии им росписки и при прощании говорил он, что пошлет сию росписку к вам и будет просить о присылке вместо оной росписки вашей руки в получении присланных г. Пушкиным через барона Дельвига денег. Хотя и хлопотливо, но слава Богу, Орест Михайлович сдержал наконец слово и кончил денежное дело». (л. 22)

Успел ли Сомов снести с Пушкиным до 5 июля, до того, как Миллер показал ему письмо с разъяснениями Рылеевой?

Июлем 1827 года ныне принято датировать пушкинскую оду адмиралу Мордвинову. Тому самому, что голосовал против смертного приговора декабристам. В этих стихах, при жизни Пушкина не опубликованных, — все странно, темно и даже нелогично.

«Под хладом старости» угасает один из «орлов Екатерины». «В то время ты вставал, твой луч его согрел...» Кто «ты»? Чей «луч»? Кажется, речь о стихотворце Петрове, посвятившем оду еще молодому Мордвинову. Но почему тогда орел дряхлый, отяжелевший в крылах?

Не на Петрове, а на Рылееве густо замесит Пушкин свои «тайные стихи». Мало того, что в них полтора десятка реминисценций из рылеевской оды «Гражданское мужество», тоже посвященной славному адмиралу и тоже неопубликованной. Когда-то Пушкин смеялся над рыле-

евским «лучом денницы» (утренней зари), который «лишь в полдень проникал» в темницу героя. Рылеев согласился и исправил строку. Теперь Пушкин сам использует «находку» Рылеева: «...твой луч его согрел, он... полетел во срегенье твоей денницы...»

Мордвинова декабристы прочили во Временное правительство. Считается, что адмирал об этом знал. И вот «новый Долгорукой» спорит с царем, стоит «в советах недвижим».

Пушкин образ за образом заимствует у Рылеева, чтобы показать, «как славно» адмирал исполнил пророчество не только Петрова, но и казенного поэта. Петров назван, казенный указан отсылкой к его стихам. И когда 6 в июле 1827 года Пушкин, Дельвиг и Сомов не выясняли бы щекотливый вопрос о давно выплаченном долге, трудно представить, чтоб у пушкинской оды опальному (точней — полуопальному) адмиралу появилась такая концовка:

Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд
Равно священны пред тобою.

Это о Мордвинове, но это и о себе. Тем более что «Послание в Сибирь» уже написано и уже отправлено. И ясно, какая «вдовица» и какой «бедный лепт» имеются в виду.

Значит, накануне голодаевского путешествия Пушкин общается с одним из душеприказчиков казенного собрата. Знал ли Сомов то, что знала вдова, знал Миллер и его домочадцы (включая малолетних дочерей), знали восьмилетняя Каменская и, наверняка, Мысловский?

Г. А. Невелев пишет: «Вероятно, потому Пушкин «позволил» В. П. Титову напечатать рассказанную им у Карамзиных «чертовщину уединенного домика на Васильевском» и внес поправки в принесенную Титовым рукопись, что заинтересовался возможностью опубликования описания места погребения казенных декабристов в тексте «сказки про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров». Этим, очевидно, объясняется и та поспешность, с которой «Уединенный домик на Васильевском» был напечатан: из уже собранных «Северных цветов на 1829 год» была выброшена статья П. П. Свинына, а секретарь альманаха О. М. Сомов, препровождая повесть на рассмотрение цензору К. С. Сербиновичу, писал 27 ноября 1828 года: «Если можно, сделайте одолжение, удостойте ее поскорее вашим одобрением, ибо она непременно пойдет в печать на сей же неделе». (66).

Конечно, Сомов мог не знать ни места на Гоноропуло, ни зачем такая спешка с повестью Титова. Но вновь это сближение имен: Сомов — Дельвиг — Пушкин.

Дельвиг с «вдовой Кондратия» общался еще в начале 1827 года.

Дельвиг ближе всего к тайне, не очень-то и охраняемой Натальей Михайловной Рылеевой.

Если б поэт пользовался слухами, он нашел бы способ усомниться в непроверенной информации, снабдив каким-нибудь обычным своим «N говорил...» или «услышал о...». Но он симпатическими чернилами записывает то, в чем уверен наверняка: 14 июля 1826 Гонар <опуло>. Ни комментариев, ни оговорок ему не требуется. Это знание из первых рук, от человека, которому Пушкин мог всецело доверять.

Летом 1827 года мы можем назвать в Петербурге лишь одного человека, удовлетворяющего этому требованию, близко знавшего К. Ф. Рылеева и поддерживавшего отношения с вдовой казненного. Это Дельвиг.

В дельвиговском альманахе и появится «Уединенный домик на Васильевском». Орест Сомов мог и не знать, зачем надо ради повести Тита Космокротова ломать готовый номер и торопить цензора. Редактор альманаха не мог не знать этого.

11. БЕРЕГ ДЛЯ АРИОНА

Графическое и лексическое дополняют друг друга.

1827 год: крупный план, камни и «скалы» на рисунках, «Скала» в «Арионе» — единственная примета пейзажа в этих стихах.

1828 год. Набросок топографического плана весной, а осенью в той же тетради — то же самое пространство, что и на плане, только развернутое в рисунок. Уже не сама могила предмет изображения, а то, как к ней пройти да как это выглядит при подходе, с земляной дамбы. О том же и в путеводителе из «Уединенного домика на Васильевском».

1830 год. В Болдине, запертый карантинами, он пишет стихи, где гоноропулов пейзаж становится строчками лирики. Но заканчиваются они все-таки рисунком. Значит, боль еще не отпустила, не вся стала «воспоминанием» и превратилась в четырехстопный ямб.

Но целебный отвар реминисценций уже не врачует. В 1833-м он принимается за стихотворную повесть о несчастном чиновнике, который месяца за три до восстания декабристов на той же Сенатской бросил вызов медному всаднику, а месяца за три до казни на кронверке был погребен «ради Бога» — без гроба и обряда — на «острове малом». Это сближение, подмеченное Андреем Белым (67), теперь нуждается в развитии: «петербургскую повесть» Пушкин начинает строкой голодаевских стихов шестилетней давности, а под ней рисует стрелку вала на Гоноропуло и указывает штрихом место у ее подножия. Вряд ли он знает княжнинскую «привязку»: просто сама местность подсказала и могильщику, и по эту одну систему координат.

«Медный всадник» — не иносказание о 14-м декабря. Напротив, «петербургская повесть» — перебарывание декабристской трагедии, включение ее в вечный контекст человеческой драмы.

С фасада «Медный всадник» — ода. Как, впрочем, и сам Петербург. Но, как и в путеводителе из «Северных цветов», от «пышного ряда каменных огромных строений» мы приходим к могиле на первом из островков Голодаевской косы, от оды — к реквиему.

Есть в той же ПД 838, кажется, никем не замеченный рисунок: скала «Медного всадника», но без коня и Петра. Не под летящим скакуном, а под тощим кустиком в чухонском болотце. И не зря очертания Гром-камня так рифмуются с абрисом стрелки вала на Гоноропуло. Тень фальконетовского монумента незримо осеняет могилу бедного Евгения и братскую могилу казненных бунтовщиков. Пушкин — это черта прорицателей и поэтов — весь во власти странных сближений. Это его поэтические ориентиры в житейском море.

Привыкнув к тому, что «Арион» мало соответствует легенде о древнегреческом поэте, спасенном от пиратов дельфином, мы уже не можем увидеть одной очень простой вещи: тема Ариона («спасен дельфином...») возникает лишь поверх беловика. И само название найдено позже. Карандашом Пушкин приписал: «Орион», спутав исторического героя с мифологическим. А потом исправил пером: «Арион».

Он писал эти стихи о себе, и только о себе. Его древнегреческая ассоциация — плод дальнейших раздумий. И мы вряд ли ошибемся, если предположим, что диковинное для русского берега греческое имя и подсказало с таким трудом извлеченный из памяти арионовский сюжет. Две «скалы» — Сцилла и Харибда полдневной грозы — и спасительное устье рва между ними («Сюда погода волновая...»), и античные грома в самом звучании этих слов «остров Гоноропуло».

В Пушкинском Доме, в знаменитой картотеке Б. Л. Модзалевского, фамилию Гунаропуло удалось обнаружить лишь перебрав все возможные варианты ее написания. Семь карточек оказались на «Гуно...»¹. В ленинградских архивах С. В. Мироненко и Т. Н. Ознобишина, а в московских молодые историки Андрей Серков, Ярослав Леонтьев и Сергей Львов обнаружили десятки документов об этом роде.

Афанасий Гунаропуло приехал в Россию в конце XVIII в. У него было три сына. Егор Афанасиевич числился по лейб-гвардии драгунскому полку, служил вместе с Александром Бестужевым. Боевой офицер, человек, знавший полдюжины языков, он — адъютант военного министра, а в 1826 г. председателя следственного комитета по делу декабристов А. И. Татищева.

Егор Гунаропуло был причастен к следствию, даже выезжал в Харьков расследовать донос некоего титулярного советника Плотникова. Следствие свое он провел весьма своеобразно: явившись к гражданскому губернатору, ограничился заявлением того, что Плотников «человек

¹ Чтобы не путать с названием острова, мы станем придерживаться искомого написания — Гунаропуло.

не заслуживающий никакого внимания», и, судя по донесению самого Гунаропуло, вернулся, даже не повидавшись с доносчиком. (69).

Больше ему жандармских поручений, видимо, не давали.

31 декабря 1827 г. Егор Афанасьевич увольняется от службы по домашним обстоятельствам в чине капитана и след его теряется.

Другой брат — Афанасий Афанасьевич — в 1834 г. представлялся царю в качестве новоиспеченного белостокского губернатора. Некто Жиркевич так описал эту процедуру:

«Потом государь, обратясь к Гоноропуло (так! — А. Ч.), приветствовал его, что он уже давно знаком с ним, но в настоящую минуту он должен ему напомнить, что в Белосток назначили его губернатором по представлению кн. Долгорукого <...> Тут глаза государя заблестали, стан выпрямился, и он, возвысь голос, сказал: — Мне нечего тебя учить, как следует обращаться с поляками <...> Поляк — всегда поляк <...>. Он будет виться у ног твоих, будет лизать их, пока не доберется до шеи, а там задушит тебя!..» (70).

Мол, живые поляки в их собственной земле, — не то, что мертвые русские в твоей собственной?

Николай I сам расписывал обряд казни, вникая в мельчайшие детали экзекуции. В «Указателе жилищ и зданий Санкт-Петербурга» на 1822 г. адрес «на Голодае» только у Гунаропуло. (71). И на всем острове нет других дворян-землевладельцев. Представить, что повешенных могли закопать в помещичьей земле, не спросив согласия владельцев, — довольно трудно. Другое дело — что двигало братьями? Желание услужить власти или сострадание к казненным?

На Голодае у Гунаропуло мыза, а городской дом — на Мойке, близ Синего моста. Гунаропуло — соседи Рылеева: дом Российско-Американской компании тоже на Мойке и тоже у Синего моста. Были ли они знакомы? Были. Третий брат — Феопемпт Афанасиевич, до 1822 г. — один из крупнейших русских масонов. Сохранились книги «вольных каменщиков», где буквально на одном листе подписи Гунаропуло и Рылеева. В разные годы Ф. А. Гунаропуло посещал одни ложи и присутствовал на одних заседаниях с Рылеевым, Пестелем, Муравьевыми-Апостолами. (ОР ГБЛ, ф. 147, д. 51; д. 62, л. 124; д. 70, л. 37. Указано А. Серковым). После закрытия масонских организаций Феопемпт Афанасиевич, человек смиренный и законопослушный, продолжает службу сначала в канцелярии Дежурного генерала Главного штаба, а потом в канцелярии начальника Главного штаба.

Сергей Трубецкой на следствии показывал:

«Я не хотел идти на площадь <...> и у ворот канцелярии г-на Начальника Главного штаба встретил входящего в них полковника Юренева, чиновника Гунаропуло, и еще одного человека, мне незнакомого, они имели вид испуганный и звали меня с собой, я взшел на лестницу и вошел с Гунаропуло в канцелярию г. Начальника штаба, где никого не было. Он с весьма испуганным видом говорил мне: «Беда! Какая бе-

да! Московский батальон и множество народа прошли по Морской к Сенату, я с ними встретился, бежал от них, они кричат ура императору Константину; говорят убили Фридрикса». Последнее слово меня сразило: я почти упал на стул, едва мог говорить. Гунаропуло вставал, садился, говорил все: «Ах! Какая беда», а после предложил идти на площадь; мы вышли, но я, идучи, сказал ему, что я чувствую себя очень нездоровым, и зашел опять в канцелярию г. Дежурного Генерала...» (72).

При Николае Феопемпт успешно продвигается по службе, только в 1826 г. получает два ордена «за отличную службу и неутомимые труды». Милости сыплются на него до самой отставки.

Документ более позднего времени открывает, кто же был покровителем братьев. Уже после их смерти некто Демортье пишет министру двора, а некогда члену следственного комитета по делу декабристов графу В. Ф. Адлербергу: «Сиятельный граф! Вы были покровителем и спасителем покойных Феопемпта и Афанасия Афанасиевича Гунаропуло, когда по ошибочному присуждению они едва не лишились своего всего состояния. Вы подали им справедливую помощь, когда отчуждался дом их в казну. Это драгоценнейшее Ваше расположение Феопемпт Афанасиевич приобрел во время долговременной службы своей под благодетельным начальством Вашего Сиятельства...» (73)

Конец жизни Афанасий и Феопемпт провели на своей голодаевской мызе. Детей у них не было, и наследники, дальние их родственники, продали мызу вместе с землей. (74)

12. «ДЛЯТСЯ НОЧИ ДЕКАБРЯ...»

Это строка из ненаписанных стихов.

Сначала Пушкин пытался писать их ямбом: «В опальной хижине моей Мне ночь отрада...» Потом хореем: «Я проснулся, но лениво Дремлет зимняя заря...» Вымарал и это. Нашел продолжение: «Длятся ночи декабря». Стих этот так поразил самого поэта, что под ним самокомментарий — всплеск восклицательного знака.

И — уже известный нам рисунок с избушкой рыбаков.

В феврале 1980 г. вместе с поэтом В. Д. Берестовым мы просматривали в Пушкинском Доме Третью масонскую тетрадь Пушкина, и оба были поражены рисунками на одном из ее разворотов. Объяснение хранительницы рукописей Р. Е. Терebeneиной нас также удивило: какая же это могила Ленского, если пейзаж ну никак не похож!.. В романе — ручеек, две сосны, «памятник простой». Здесь — летящие по ветру острые ветви, лужа, груда камней, какие-то обрывы да торчащая из ямы крапива. Правда, в этой же тетради строки о могиле юноши-поэта, а тут нарисован могильный камень.

Необычно в этих зарисовках буквально все: и странная организация пространства, и тщательность проработки (пером поверх карандаша), и сама техника (часть рисунка проработана грифелем, а часть чернилами), и сами размеры, беспрецедентные для пушкинской графики.

И все-таки ассоциация с могилой Ленского есть, как есть она в описании гибели Ленского, оплаканного Пушкиным парафразами из Рылева. (75) Ленский, останься он жив, мог «быть повешен, как Рылев».

В марте и в апреле 1987 г. сначала в одиночку, а потом вместе с ленинградцами Владимиром Филаретовым, Татьяной Гоголевой и Юлией Демидовой мы придем на остров Декабристов, бывший Голодай, чтобы определить, где же были коса и ров. И, конечно, ничего не найдем: четверть века назад берег метра на два подняли. И лишь заливычк напоминает о некогда существовавшей меж Вольным и Голодаем широкой протоке.

С этого и началась хроника нашей экспедиции.

Июнь 1987. Первая голодаевская публикация в «Огоньке». По совету заведующего отделом Музея истории Ленинграда А. Д. Марголиса просматриваю топографические планы Петербурга в фондах музея. Обнаружены «последняя возвышенность», ров и вал на Гоноропуло. Марголис с такой привязкой соглашается, но вносит существенное уточнение: на плане Ф. Шуберга отмечены не западный — как считал я, — а восточный откос вала. Западный, видимо, размыт и на карту не нанесен.

Гатчинский архитектор-реставратор Александр Семочкин предполагает, что на пушкинских рисунках руины каких-то фортификационных сооружений. Проходим еще раз по Голодаю и за остатки возвышенности и вала принимаем рельеф очистных сооружений кожевенно-шорного комбината «Марксист». В конце лета нашу ошибку докажет начальник очистных сооружений Аркадий Крижинский: он найдет в заводском архиве план кожевенного завода Осипова. Итак, мы вышли не на Гоноропуло, а на остров Кашеварова. То есть промахнулись метров на четыреста. С Крижинским, а потом с ленинградским тележурналистом Виктором Правдюком и студенткой Аней Знамеровской мы вымерим Уральскую улицу пятиметровой рулеткой до самой Смоленки. И скажем спасибо нашей оплошности: благодаря ей мы получили макет в натуральную величину и смогли разобраться с рисунками в ПД 836. Итак, место локализовано: могила должна находиться в нескольких метрах южнее стрелки вала на Гоноропуло. Позже это будет подтверждено и рисунком в ПД 838, и указательной стрелкой, проведенной Пушкиным на рисунке в «Медном всаднике», и княжнинской привязкой к двум «выпуклым скалам», и, наконец, результатами бурения.

Июль — август. Найден набросок пушкинского топографического плана. Дискутируем в телепрограмме «Монитор» с Невелевым.

Фотоэксперимент с пластилиновым макетом подтверждает корректность пространственной интерпретации рисунков из ПД 836 и правильность географической ориентировки по сторонам света. Выясняем,

что даже зелень и цветы, посаженные Н. М. Рылеевой, разрослись под защитой «грудки бульжников» с южной ее стороны.

Выходит вторая публикация в «Огоньке».

Сентябрь. В телепередаче «Арион» рассказываем о нашем поиске.

Виктор Правдюк предлагает покончить с топографическим дилетантизмом и обратиться за помощью к ленинградским военным топографам. Они совмещают планы и переносят точку с плана Шуберта на современный крупномасштабный план.

Точка ложится в пяти метрах от заводского корпуса. Значит, если при строительстве рыли котлован, место наверняка уничтожено. К тому же топографы предупредили, что даже при наложении таких точных карт погрешность, как правило, составляет три метра. В самом благоприятном случае искать придется прямо у стены заводского цеха, на широком проезде между двумя промышленными корпусами.

Едем к судостроителям. Главный инженер А. А. Пономарев обещает помощь и дает деньги для исследования. И — о удача! — корпус цеха стоит на сваях. И тут появляются в составе нашей экспедиции экстрасенсы. Две молодые женщины — О. и Т. Они говорят, что копать надо не здесь, на Уральской, 19, а на западном берегу Гоноропуло. И объясняют это «мистическими» и физическими причинами: плывуном, «подвижной грунтом» и т. д. Мы решаемся на пробный раскоп.

Силами курсантов-топографов, солдат-пограничников и просто энтузиастов осенью 1987 года делаем в стороне от пушкинской точки пробный раскоп: за десять дней — с опалубкой, носами и прочей техникой — нам удается пройти около четырех с половиной метров. Яма заплывает, как заговоренная. Наконец, не выдерживает опалубка.

Еще трижды появятся в нашем поиске «лозоискатели». Все они уверенно укажут еще три разные точки. И только группа А. Н. Олейникова из ВСЕГЕИ действительно определит некую «аномалию» — оконтурит подземный колодец вблизи пушкинского места. К чести землепроходцев из ВСЕГЕИ: они-то как раз и не утверждали, что «абсолютно точно» укажут место. И когда «нетривиальные методы» не дадут результата, Олейников сведет нас с геологами Г. М. Беляевым и В. А. Угаровым.

К этому времени мы уже знаем: раскоп на берегу Гоноропуло невозможен. С техникой или без техники — мы только уничтожим место, и даже археологи из ЛГУ, принимавшие участие в пробном раскопе, не гарантируют, что в таких условиях смогут что-либо заметить.

Виталий Угаров предлагает исследовать территорию бурением, через два метра пройти всю площадку и взять пробы грунта на химический анализ. Договариваемся с «Севзапгеологией».

В декабре делаем сообщение в московском музее А. С. Пушкина.

14—25 декабря 1987 года. Бурение 50 скважин на «Алмазе», описание их и отбор проб. Исследовали более 200 кв. м. По линии торфяника геологи подтвердили: меж Голодаем и Гоноропуло действительно была древняя протока (ее возраст как минимум несколько столетий).

29 февраля 1988 года делаю сообщение на декабристской секции Совета содействию музею истории Ленинграда.

К нам присоединяется архитектор Татьяна Ознобишина. Она находит артиллерийскую батарею на двух плазах 1810-х годов. Начинаем архивные исследования. Выходит третья публикация в «Огоньке».

П. Прохоров и Т. Ознобишина строят перспективный рисунок.

Март — второй тур бурения.

Апрель — В. Угаров обнаруживает в пушкинской точке аномалию по кальцию, фосфору и магнезию. Горизонт — 4—6 метров. Если «снять» культурный слой XX века, это и есть уровень предполагаемого захоронения. Но — рядом водопроводный колодец. Может быть, аномалия из-за него?

Май — московский геолог Давид Кочнев предлагает направить пробы грунта в ЛГУ для анализа по белку.

Июнь — проводим в Петропавловской крепости совещание с научной общественностью. Присутствуют С. А. Фомичев, Т. И. Краснобородько (Пушкинский Дом), Н. И. Попова, Р. Г. Жуйкова (ГМП), главный судебно-медицинский эксперт Ленинграда В. В. Андреев. Большинство против раскопа в пушкинской точке. Не по техническим, а по моральным соображениям.

Август — к исследованию приступают московские криминалисты-почвоведы из ВНИИ МВД А. А. Алексеев, А. В. Лазарев, Г. П. Астапович, Е. А. Ломакина, Ж. М. Никифорова, Н. Г. Соколова, Н. Иванов, ботаник биофака МГУ В. Р. Филин, доктор геолого-минералогических наук И. В. Еремин.

Конец сентября — третий тур бурения. А. Лазарев по описанию скважин обнаруживает в пушкинской точке древнюю яму. Она под слоем почвы XX века, то есть выкопана как минимум за несколько десятилетий до засыпки острова в 1960-х.

Из ямы извлекаем в керне крошку древесного и каменного угля, шлака и древесной коры. Эксперты устанавливают, что каменный уголь пролежал в грунте десятки лет. Уголь в Петербург возили с начала XIX века, и всего в километре выше по течению Невы — чугунный заводик. Река катила по дну крошку угля и шлака, значит, при перекапывании могли попасть в яму и шлак, и уголь, и кусочки сосны.

Т. Н. Нижарадзе и Марина Лаздовская закончили исследование суммарного белка. Аномалия совпала с химической. Это говорит о захоронении в пушкинском месте «биологических объектов». В коре «суммарного белка» много больше, чем в яме: из грунта белок вымывался только грунтовых вод, а в коре задерживался.

Среди включений — фрагменты кости. На одном — пленка извести. Несколько кусочков сероватого вещества тоже оказываются известью. Вывод ВНИИ МВД: в пушкинской точке обнаружено древнее захоронение с возможным использованием негашеной извести.

Военные топографы подполковники А. Г. Исаев и В. А. Егоров явно поскромничали: ошибка при совмещении карт менее трех метров. Иначе первые три скважины не попали бы в яму.

Когда в 1975-м по рисункам Пушкина определили место, где стояла виселица, и стали готовить место под монумент, рабочие наткнулись на спленные столбы помоста. Вновь Пушкин оказался точен.

Проводим исследование стенок бетонного колодца: магния и фосфора в них нет. Берем грязь со дна: содержание белка — фоновое. Значит, колодец (он в насыпном слое) ни при чем.

19 октября в Смольном соборе открылась выставка «Декабристы в рисунках Пушкина». Ее готовили А. Марголис, М. Вершевская, Г. Урусова. На выставке — голодаевские пейзажи Пушкина, прорись его строки из ПД 833, и макет, выполненный Т. Ознобишиной.

В декабре вновь делаю сообщение о поиске. Сначала в московском пушкинском музее, потом в ленинградском Дворце молодежи.

Декабрь 1988 и январь 1989 года — в Ленинграде вместе с хранителями пушкинского фонда Т. И. Краснобородько и А. В. Дубровским делаем несколько попыток переснять пушкинскую «симпатическую» запись. Наконец Д. П. Эростову удается получить качественный снимок.

Составляем сводку написания фамилии Гунаропуло по архивным и печатным источникам.

Февраль — публикуем результаты экспедиции в «Огоньке».

«Пятое колесо» показывает телесюжет о поиске.

Академик Б. В. Раушенбах дает экспертное заключение по организации пространства пушкинских рисунков и подтверждает корректность их топографической атрибуции.

В Пушкинском Доме проводим два семинара, спорим с оппонентами. Они идут вслед за нами, а значит, повторяют и наши уже пройденные ошибки. И, пользуясь нашими материалами, обвиняют нас то в сокрытии данных экспертиз (переданных в Музей истории города), то, уже имея в руках нашу сводку, заявляют, что Пушкин не мог писать «Гонаропуло», а только «Гунаропуло». Особенно ожесточенный спор вспыхивает вокруг деревьев и кустарников на «острове малом». Предъявляем ксерокопию плана 1823 года, хранящегося в Центральном Государственном Военно-историческом архиве.

Получаем экспертные заключения о корректности поиска (С. В. Мироненко), о расшифровке пушкинской записи (С. А. Фомичев), отзывы от литературоведов Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, А. Е. Тархова и К. А. Баршта. А также от ленинградских археологов, изучивших пакет материалов экспедиции и признавших корректность нашей работы с точки зрения археологии (К. М. Плоткин).

Апрель — В. Угаров рассчитывает сумму химической аномалии. Анализ по магнию ничего не дает: этот элемент накапливается в органике. Зато по фосфору значение близко к расчетной единице! По кальцию

результат — 2,4. Сумма кальция говорит об использовании как минимум 30—35 килограммов негашеной извести.

По доброй воле хоронить кого бы то ни было на займище — безумие. Рядом — высокие сухие берега: вал, «последняя возвышенность». По опыту пробного раскопа мы знаем: пройти в пльвуне около двух метров «обыкновенным могильщикам» не под силу: двое или трое должны копать, еще трое вычерпывать песчаную жижу.

Но могильщикам и не придет в голову так над собой издеваться. Другое дело, если по приказу высокого начальства работает специально обученная и подготовленная для таких работ инженерная команда Петропавловской крепости (свидетельство И. И. Горбачевского).

Инженерная команда углубила ложе котлована до трех-четырех метров. Яма постоянно заполнялась водой.

Сырое место на затопляемом берегу — умысел, а не случайность. Это гарантия, что извесь уничтожит нагие тела. А пльвун не позволит родственникам похитить и перехоронить прах. Впрочем, для надежности выбрана точка, во-первых, труднодоступная; во-вторых, в частном дворянском владении (единственном на Голодае); в-третьих, за ней можно наблюдать и с брандвахты на Петровском, и с мызы. Можно держать часовых при могиле — ну хотя бы в пустой избушке.

Ярославу Леонтьеву удалось разыскать в архиве донос Шервуда-Верного. Он сообщал в 3-е Отделение, что имярек выкопал черепа декабристов и держит их дома. И хотя предателю декабристов у начальства не было оснований не доверять, донос пропустили мимо ушей. Власть знала, что это невозможно. (ЦГАОР СССР, ф. 109, I эксп., 828, д. 143.)

Если б казенных похоронили на городском кладбище для самоубийц и павших животных, где все время копали, — реакция, надо полагать, была бы иной.

В 1862 году петербургский генерал-губернатор А. А. Суворов принял поиски могилы казенных. Он опросил местных жителей, и «несколько человек совершенно точно указали на место могилы около одного полуразрушенного строения». Суворов приказал полицейским копать, и, как вспоминала его дочь А. А. Козлова, те отрыли пять скелетов. Потом Суворов поставил там ограду и велел обывателям присматривать за ней. (76)

Видимо, раскопки производились недалеко от дачи Жадимировского и Голодаевского переулка, на кладбище самоубийц и «лиц, лишенных христианского погребения». (77) Историк П. Н. Столпянский называет его «собачьим», потому что, по его сведениям, именно там закапывалась и скотина. (78) В 1870-е годы оно перестало существовать. Летом 1917 года при прокладке водопроводных труб солдаты наткнулись на полуисплевший гроб с прахом военного в «александровском мундире». В России шла революция, и весть о «декабристе» облетела даже провинциальные издания. (79)

В 1925 году раскопки были продолжены. Увы, эксперты решительно отвергли «декабристскую» версию: форма — да еще с эполетами — оказалась не александровского, а николаевского времени. Впрочем, с тех пор легенда о якобы найденных пяти гробах с прахом казненных на кронверке пошла гулять по декабристсковедческой литературе.

Рассмотрим версию с кладбищем самоубийц. Тем более что «перелучек налево» ведет мимо него. Это место у границы земли купца Жадимировского, близ армянского кладбища. Отсюда далеко от «взморья». Ни о каком «конце острова» или «прибрежных кустах» говорить не приходится. Должны ли мы пренебречь не только свидетельствами Пушкина и Княжнина, но игнорировать и свидетельства Муравьева, Жандра и даже того же «помощника квартального надзирателя»? Пушкин мог ошибаться, а обер-полицмейстер врать. Но они оба указывают на одну точку, а это уже можно объяснить только широкомасштабной дезинформацией да инсценировкой похорон на Гоноропуло. Придется допустить, что караул в 1826 году стоял и на кладбище самоубийц, и — для отвода глаз — на «пустынном островке Невы», где «ничего, кроме кустов». И попытаться доказать, что Миллер «уединенным островом» называл Голодай, а Мысловский или другой священник согласился бы среди бела дня служить панихиду на «собачьем кладбище», на открытом месте близ дороги, на виду у добрых людей.

Как показали раскопки 1917—1926 годов, уровень грунтовых вод на «собачьем кладбище» ниже уровня захоронений. Это еще раз говорит о беспрецедентности британского погребения на Гоноропуло.

Береговая полка между валом и рвом образовалась после разрушения вала. В XVIII веке, судя по торфу, здесь была протока.

Могила находится у самой осыпи полуразрушенного к 1826 году вала. Именно такое ее положение и предрек геолог Г. М. Беляев. Еще до начала бурения он считал, что скрыть захоронение легче всего, обрушив часть осыпи.

Ни в протоку, ни «под вал», когда он еще закрывал это место, похоронить нельзя. Значит, XVIII и начало XIX столетия (до разрушительного наводнения 7 ноября 1824 года) надо исключить.

Весь XIX век островок был в частном владении, перейдя после 1857 года от наследников Гунаропуло к княжеской фамилии Курьятович-Курцевич. (80)

Анализ научной литературы и планов середины и конца XIX века показывает: произошло опускание берега и воды Невы вновь пришли к этому месту. Займище стало отмелью. И так было до XX столетия. Значит, вырыть здесь «котлован» можно было только в 1825—1850-х годах, когда землей владели Гунаропуло.

Место оказалось под водой, и даже те, кто его знал, перестали сюда приходиться. Вспомним Л. М. Жемчужникова: в начале 1850-х «курганчик» над телами декабристов (видимо, оплывшая и окончательно разрушенная стрелка вала) еще был, но пройдет десять—двадцать лет, и ху-

дожник запишет, что «нет и признаков этого возвышения». Не искали могилу товарищей и амнистированные декабристы. А ведь стоило лишь обратиться к Н. М. Рылеевой... Не искали, ибо в Петербурге знали, что курганчика (размытой стрелки вала) уже нет. И нет самого места. Оно, как свидетельствуют планы, на десятилетия скрылось под водой.

Впрочем, эксперт Андрей Лазарев обнаружит остатки стрелки гонопулова вала по описаниям скважин.

Решающим аргументом стал расчет количества фосфора. Оно в месте захоронения соответствует количеству этого элемента в телах пяти взрослых людей.

Есть у Сергея Муравьева-Апостола французские стихи:

Земным путем сойти до срока,
Медлительно и одиноко,
Неузнанным при свете дня;
Но там, где небо тьмой одето,
В конце пути по вспышке света
Вы опознаете меня.

В подлиннике так: «в конце моего пути мир, внезапно озаренный, познает, кого он лишился». По наблюдению филолога Нины Коротковой, здесь есть и самопророчество: «saggiète» — путь, но еще и яма, камеломня, котлован.

* * *

Полевая часть нашей экспедиции завершена. Сомнений в том, что место тайной могилы «на побережии Голодая» установлено, а сама братская могила казненных найдена, у нас (по крайней мере сегодня) не осталось. Ибо сегодня нам не известно ни одного факта, который не укладывался бы в парадигму ахматовской версии. Сводка свидетельств современников, путеводитель из «Уединенного домика на Васильевском», пушкинские рисунки и запись в ПД 833, а также топографические и криминалистические исследования, все дает один результат, указывает на одну точку. А совпадение количественных и качественных параметров, полученным многократно, гарантия объективности выводов.

Место найдено, но поиск не закончен. Множество вопросов еще не стерты с его полей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 — Рукою Пушкина. М.—Л., 1935, с. 307
- 2 — Г. А. Невелев. «Истина сильнее царя...» М., 1985
- 3 — Д. П. Якубович. «Дневник» Пушкина.— Пушкин. 1834 год., Л., 1934, с. 22
- 4 — Г. А. Невелев, с. 142
- 5 — И.—К.—И. Руликовский «Nasza Przyszłość», 1908, № 3, Киев, с. 382
- 6 — «Вестник Народной Воли», 1886, № 5, с. 15—38
- 7 — «Русский архив», 1881, № 2, с. 346
- 8 — «Дружба народов», 1975, № 12, с. 279
- 9 — «Русский архив», 1902, № 10, с. 181
- 10 — «Полярная Звезда», 1861, кн. VI, с. 75
- 11 — И. И. Горбачевский. Записки. Письма, М., 1963, с. 167
- 12 — А. Е. Розен. Записки декабриста, Иркутск, 1984, с. 181
- 13 — Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951, с. 136
- 14 — Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или адресная книга. Издал С. Аллер. СПб. 1822, с. 356
- 15 — М. С. Лунин. Письма из Сибири. М., 1987, с. 57
- 16 — Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов., т. I, 1931, с. 131
- 17 — Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982, с. 56
- 18 — В. И. Штейнгейль. Сочинения и письма., т. I, Иркутск, 1985, с. 173
- 19 — М. Н. Волконская. Записки. СПб., 1904, с. 14
- 20 — «Московский вестник», 1827, ч. I, № 4, с. 354.
- 21 — Д. И. Завалишин. Записки декабриста. СПб., 1906, с. 248
- 22 — «Русский архив», 1881, № 2, с. 346 (примечание к рассказу В. И. Беркопфа)
- 23 — Остафьевский архив кн. Вяземских, т. III, М., 1899, с. 188
- 24 — Л. М. Жемчужников. От кадетского корпуса к академии художеств, 1828—1852 г. М., 1926, вып. I, с. 133
- 25 — Подробный план столичного города Санкт-Петербурга, снятый по масштабу 1:4200 под начальством генерал-майора Шуберга. СПб., 1828
- 26 — ГЦТМ, Рукописный отдел. ф. 254, ед. хр. 4, с. 41
- 27 — Г. А. Невелев, с. 139
- 28 — А. А. Ахматова. Сочинения в двух томах., т. 2, М., 1986, с. 401
- 29 — «Исторический вестник», 1894, № 4, с. 42
- 30 — ЦГАЛИ, ф. 423, оп. 1, ед. хр. 61
- 31 — Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга, сочинение И. Г. Георги. СПб., 1794, с. 141 и др.
- 32 — ЦГАЛИ, ф. 423, оп. 1, ед. хр. 62
- 33 — ИРЛИ, ф. 269, оп. 2, № 56

- 34 — «Русский архив», 1903, кн. III, с. 399 (письмо К. Я. Булгакова от 26 сентября 1829)
- 35 — Нумерация домов Санкт-Петербурга с алфавитными списками, 1836, с. 62
- 36 — ЦГИАЛ, ф. 513, оп. 168, д. 241, л. 36 об., 1822; Из записок И. С. Жиркевича в ж. «Русская старина», 1878, № 7, с. 416, 418
- 37 — Ф. Шредер. Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу. 1820, с. 242 («...у Синего мосту в Гонурополевым доме»).
- 38 — Санкт-Петербургская адресная книга на 1809, с. 27
- 39 — Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, 1822, с. 5
- 40 — Адрес-календарь санктпетербургских жителей, т. I—III, с. 11, 12
- 41 — Месяцеслов на лето 1822, СПб, с. 187
- 42 — ЦГИАЛ, ф. 513, оп. 168, д. 326, л. 29 об. 1806
- 43 — Санкт-Петербургская адресная книга на 1809, с. 45
- 44 — Указатель жилищ..., с. 160; Месяцеслов на лето 1824, с. 100; Алфавит городской обывательской книги, ЦГИАЛ, ф. 781, оп. 4, д. 83
- 45 — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 17-ти тт. М.—Л., 1937—1959, Справочный том.
- 46 — А. А. Ахматова, с. 119—126
- 47 — там же, с. 171
- 48 — Г. А. Невелев, с. 141
- 49 — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10-ти тт. Издание второе., т. IX, М., 1958, с. 507
- 50 — Описание... города СПб., с. 154
- 51 — А. А. Ахматова, с. 126
- 52 — там же, с. 119
- 53 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка., т. I, М., 1964, с. 430
- 54 — Описание... города СПб., с. 141
- 55 — А. Е. Тархов. Повесть о петербургском Иове. «Наука и религия», 1977, № 2, с. 62—64
- 56 — А. С. Пушкин. Медный всадник. Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л., 1978, с. 270
- 57 — Г. А. Невелев, с. 134
- 58 — В. Ф. Шубин. К топографии поэмы «Медный всадник», в сб. Временник пушкинской комиссии., вып. 22, Л., 1988, с. 147—148
- 59 — Ю. Борев. Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника». М., 1981, с. 158—159
- 60 — В. Ф. Шубин, с. 148
- 61 — там же, с. 149
- 62 — Г. А. Невелев, с. 135
- 63 — Там же, с. 142
- 64 — Описание... города СПб., с. 624
- 65 — ЦГАЛИ, ф. 423, оп. I, ед. хр. 62
- 66 — Г. А. Невелев, с. 142

- 67 — А. Белый. Ритм как диалектика и «Медный всадник», М., 1929, с. 175
68 — Месяцеслов... на лето 1825, с. 90; Месяцеслов... на лето 1827, с. 103; ЦГВИА, ф. 395, оп. 66/328, д. 1698
69 — ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, д. 262
70 — «Русская старина», 1878, № 7, с. 418
71 — Указатель жилищ..., с. 160
72 — Восстание декабристов. Т. I, 1925, с. 72
73 — ЦГИА, ф. 472, оп. 35, л. 55
74 — «Русская старина», 1917, № 3, с. 401
75 — А. Чернов. «На тайные листы...» В сб. «Солнце нашей поэзии», М., 1989, с. 219
76 — «Красная панорама», 1928, № 29, с. 6
77 — ЦГИАЛ, ф. 514 оп. I д. 598
78 — П. Н. Столянский. Город Санкт-Питер-Бург, ныне Ленинград, Л., 1927
79 — «Огонек», 1917, № 23
80 — ЦГИАЛ, ф. 513, оп. 102, т. 3, д. 2435, л. 7—8

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГЦТМ — Государственный центральный театальный музей им. А. Бахрушина
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
РОГБЛ — рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда

СОДЕРЖАНИЕ

1. «Стремлюсь привычною мечтою...»	3
2. «Симпатическая записка» в ПД 833?	4
3. Сводка свидетельств	5
4. Путеводитель	15
5. Свидетель Ахматова	17
6. Полемика. Тур первый	20
7. Семь пушкинских рисунков	21
8. Отказ от полемики	24
9. Гроза 15 июля 1827	28
10. Кто рассказал Пушкину?	30
11. Берег для Ариона	34
12. «Длятся ночи декабря...»	37
13. Примечание	45

ЧЕРНОВ Андрей Юрьевич

СКОРБНЫЙ ОСТРОВ ГОНОРОПУЛО

Путешествие

Редактор Г. А. Елин

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 10.11.89. Подписано к печати 9.01.90. А 00208. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл.
кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,17. Тираж 150 000 экз. Заказ № 1492. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

СЕРТИФИКАТЫ Сберегательного банка СССР

● Выпускаются на предъявителя достоинством 250, 500 и 1000 рублей и предназначены для хранения денежных сбережений в течение 10 лет, с выплатой дохода дифференцированно в зависимости от продолжительности срока хранения денежных средств.

● При соблюдении 10-летнего срока хранения доход выплачивается из расчета 4 процентов годовых. Сертификаты свободно продаются, принимаются на хранение и по предъявлении паспорта оплачиваются в любом отделении или филиале Сберегательного банка СССР.

● При оплате сертификата его владелец может получить деньги либо приобрести новый сертификат, купить облигации займа или внести полученную сумму на вклад.

● СЕРТИФИКАТЫ — удобная и выгодная форма долговременного хранения денежных средств.

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР К ВАШИМ УСЛУГАМ!